

Катя Метелица

ЛБЮОВЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭТЕРНА»

Катя Метелица Лбюовь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9453976
Лбюовь / Метелица Катя: Этерна; Москва; 2008
ISBN 978-5-480-00054-2

Аннотация

В новой книге известной журналистки, автора бестселлера «Дневник Луизы Ложкиной» собраны заметки и эссе, большая часть которых была опубликована в еженедельной колонке «Стиль жизни с Катей Метелицей» в «Независимой газете». Это остроумные и лирические, парадоксальные и меткие очерки современных нравов, наполненные личным опытом автора.

Содержание

Авторское предисловие	5
Арбуз	6
Афоризм	10
Байдла	11
Барыня	13
Безе	19
Бриллианты	23
Бытовые преступления	31
Вегетарианство	35
Вежливость	40
Велосипед	45
Вещизм	50
«Винни-Пух»: опыты домашнего самопознания	54
Внутренний мир	58
Вобла и воблер	59
Время	65
Гвоздь	67
Голоса	72
Грязь	76
Дача	80
Деликатесы	86
День рождения	90
Домашние животные	95

Достоевский Ф. М	99
Евродоска	100
Естественное предназначение	104
Ёлка	108
Жаворонок	112
Женственность	117
Жировки	121
Зимняя сказка	122
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Катя Метелица

Лбюовь

Авторское предисловие

В этой книжке собраны рассказы, заметки и трактаты. Большая их часть – тексты для моей колонки «Стиль жизни», которая выходит на восьмой полосе «Независимой газеты» по четвергам. Я расположила темы по алфавиту, потому что привыкла так делать. Мои издатели предупредили, что я должна быть готова к вопросу: а почему, все-таки, по алфавиту? У меня есть несколько вариантов ответа: для смеха; для солидности; чтобы было аккуратно.

Можно еще сказать, что пристрастие к алфавитному порядку – это мой личный невроз (моя самая первая книга называлась «Новый русский букварь»). Я действительно считаю, что алфавитный порядок – самый разумный. Хотя варианты «для смеха» и «для солидности» тоже работают.

Рассказ «Лбюовь» был напечатан в книжке «Азбука жизни». Пришлось его повторить, потому что, во-первых, у меня с ним связаны сентиментальные чувства, а во-вторых, лучшего названия на обложку просто не нашлось.

Арбуз

Когда моя мама была маленькая, ее героем был Мичурин. Хотя уже тогда над Мичуриным принято было посмеиваться: по легенде, великий селекционер умер, сломав шею, когда упал с выведенной им самим земляники. Но он все равно был маминым кумиром. Ее заветной мечтой было скрестить арбуз с персиком, чтобы получился огромный сочный плод с одной-единственной косточкой строго по центру. Моя мама сызмала была аккуратисткой, мелкие и беспорядочные арбузные косточки ее раздражали (меня лично – нисколько). Есть еще анекдот про скрещивание арбуза с тараканом: разрежешь его, и косточки сами разбегаются. Моей маме этот анекдот не нравится, она считает его пошлым; опошляющим великую идею того, что природа суть лаборатория, а человек в ней работник.

Сколько я себя помню, я слышу о квадратных (кубических, строго говоря) арбузах, которые научились выращивать японцы. Теперь, вот, появились сообщения, что скоро они начнут их импортировать. Но это не значит, что до сих пор никто вне Японии не видел их и не пробовал – видели и пробовали. И в Америке, и в Астраханской, говорят, области. Квадратный арбуз не является продуктом ни генной инженерии, ни даже простой селекции. Хитроумные японские фермеры просто засовывают арбузные завязи в кубиче-

ские стеклянные формы. Известный фокус: моя мама, между прочим, из года в год выращивает с кем-нибудь из внуков огурец в бутылке – тем же способом. И первого сентября ребенок идет в школу как настоящий юный натуралист – с букетом и, так сказать, с сюрпризом. «А вот как этот огурец попал в эту бутылку, если горлышко такое узкое, а огурец такой толстый?» А вот так и попал. Это что – на сайте www.vegiforms.com есть фотографии цуккини со срезом в форме правильного сердечка, и тыковки со смеющимися лицами, и прочие прелестные мутанты в поражающем глаз разнообразии. Сердечки-цуккини выглядят очень славно. Но мама моя говорит, что они наверняка невкусные. То же самое, между прочим, все говорят про квадратный арбуз: прикольный, мол, но на вкус хуже обычного. Хотя это в обычном арбузе главное – сладкий он или не сладкий. В квадратном арбузе главное то, что он – квадратный! Форма тут явно важнее содержания, но влияет ли форма на вкус – это непонятно. Может квадратный мутант недостаточно вкусен, потому что вырос не на воле, а в стекле? Или все дело в предубеждении? Ну, не знаю. Возможно, дело еще и в том, что от чудесного на вид плода и вкуса заранее ожидаешь чудесного.

Мой свекор Александр Алексеевич, который вырос на русском Севере, в Архангельской области, впервые увидел и попробовал помидор, когда был уже взрослым, и был неприятно поражен тем, что помидор такой несладкий. По всем его представлениям, он должен был быть чисто нектар: такой

красный, румяный, сочный.

(Между прочим, он был, в принципе, прав: там, откуда помидоры родом, где они созревают прямо на кусте, под жарким-жарким солнцем, там они действительно сладкие, как фрукты. Идея готовить помидоры с солью южноамериканцам кажется такой же дикой, какой мне, например, до сих пор кажется дикой идея засаливать арбузы – а ведь на Украине так и делают.)

А еще есть гениальная история Юрия Рытхэу, как он, тоже будучи уже довольно взрослым, попал впервые в большой портовый город, и они с товарищем купили арбуз, о котором раньше только читали в книгах, и пошли к морю, чтобы спокойно его съесть. Отрезали с краешку по небольшой полобочке, вдумчиво пожевали: хваленый арбуз оказался чем-то очень твердым, совершенно безвкусным. Они разозлились и бросили его на камни. Арбуз раскололся, внутри показалось что-то красное, влажное, брызнуло соком: «Да он еще и испорченный!» Мифический плод оказался сплошным обманом.

А вот если бы впервые увиденные ими арбузы оказались квадратными? Я не думаю, что это их как-то дополнительно поразило бы. Ну, квадратные. В сущности, традиционные круглые арбузы, с этим их геометрически правильным чередованием темных и светлых сегментов на кожуре тоже выглядят как-то неправдоподобно – слишком уж нарядно. «Как мяч!» – кричат в восторге дети, которым довелось уви-

деть/запомнить сначала мяч, а затем уж арбуз. Съедобный сладкий мяч! Чудо.

В прохладных широтах, где мы живем, чудесное явление арбуза подпорчено тем, что появляются они как-то уж слишком поздно, когда лето уже идет на убыль, и не так уж его, арбуза, хочется. То есть, можно, конечно, покупать их хоть круглый год: «Но разве в марте/апреле/мае/июне это арбуз? Да это чистая химия!» Определенным уважением пользуются, однако, новогодние арбузы, бережно сохраненные с осеннего урожая. Роскошь, в самом деле, истинная роскошь. Между прочим, известно, что играя Хлестакова: «На столе арбуз – в семьсот рублей арбуз», Михаил Чехов изображал в воздухе руками нечто огромное, отчетливо квадратное.

Афоризм

Все товары класса премиум одинаково эксклюзивны. Каждое бракованное изделие эксклюзивно уникальным образом.

Байдла

Если бы я была сообразительней, проворней, удачливей, я бы не убивала время жизни в бессмысленных мечтаниях, а написала бы монографию-бестселлер: «История массовых бытовых помешательств рубежа XX–XXI веков». Ну, как-то так. Ведь это же не военная тайна и не великое открытие. Все происходило на наших глазах.

Хотя бы чертова фондюшница. Конечно, это мой позор, как мексиканский тушкан Людоедки Элочки. Но позор не только мой. На скольких московских, питерских (священных!) кухнях я обнаруживала этих монстров и думала: ага! ага, ага. «Пользуетесь ли?» – спрашивала невинно-коварно. «Ох, нет! – говорили— Пару раз попробовали, да и плюнули. Сыр прилипает, масло перекипает, шоколад вообще превращается черти во что. И отмыть эту байдлу практически невозможно. Зачем мы ее купили? Идиоты».

Приятно узнать, что не ты одна идиот. Хотя, правда, никто из моих знакомых все-таки не тараканил «эту байдлу» в качестве ручной клади. Здесь уже купили, на месте, когда пошла волна помешательства на фондю.

А до этого что было? Ну, микроволновки (см. МИКРОВОЛНОВКА) – считались чем-то совершенно суперским. Колготки-«дольчики» – что это было, кто помнит? Дальше солидно: евроремонт. Барсетки. Джинсы-версачечки. Вот

где-то тут как раз – фондю. Дольче&Габанна. Моющий пылесос. Компьютерная диагностика. Кастрюли Zepfer – панацея здоровья. Стеклопакеты – окна XXI века. Гербалайф. Текила. Кашемир. Мобильники и караоке. Похудеть по Монтиньяку. Сноубординг. Хламидиоз. Абсент. Суши-сашими. Виагра. Сливовое вино и sake. Снегокаты. Ботокс и рестилайн. Пашмина. Собачки-йорки. Диета по группам крови, по доктору Волкову, по Гемокоду. Клеточный бодибилдинг. Мураками. Скутеры, Сорокин, стволовые клетки... Какой куцый получился список, какой неполный.

Барыня

Забастовка начиналась в 10 утра и заканчивалась в 11.00. Наш рейс в 9.15. Но была некоторая подлянка, спорный вопрос. Рейс был транзитный, страшно неудобный, только я могла на такой угодить. Мы вылетали из Рима не в Москву, а в Милан. А уже оттуда – в Москву. В 10.05. Римская синьорина сказала по этому случаю «Хм», но все сразу стали ее убеждать, что по телефону нам тысячу раз (это правда) говорили, что наш рейс в забастовку не попадает. Синьорина принялась регистрировать пассажиров. Зарегистрированные сдавали багаж и радостно шли в Duty Free. Передо мной оставалось человек семь, когда появился стремительный синьор в летчицкой форме – активист забастовочного комитета, как я понимаю. Во всяком случае слово «Basta!» было произнесено много раз и со многими восклицательными знаками. Он чуть ли не побил безвольную синьорину и заявил, что с этого момента позорное штрейкбрехерство прекращается. Кто по тупости и классовой незрелости его коллеги были зарегистрированы, тем попробуют сейчас подобрать рейсы (вылет строго до 10.00!) в Париж, Франкфурт или Цюрих, пусть летят туда, переоформляют билеты и летят в свою Москву, prego! Особенно он, лично, не завидует тем, кто пожелает метаться по громадному аэропорту во Франкфурте, но если хотите – prego, prego! На этот рейс есть несколько

мест. А остальные полетят через Милан, но завтра. А пока их разместят в отеле. В отеле «Шератон-гольф».

Услышав слово «Шератон», несколько человек, собравшихся уже было лететь через Париж (пусть через отстойник для транзитников, но – Париж!), передумали и решили ехать в отель.

Римский отель «Шератон-гольф», как и ожидалось, был вполне прекрасен. Совершенно пустынен. Никаких признаков, почему-то, гольфа. Никаких постояльцев, кроме пассажиров «Alitalia». В основном это были русские и японцы. В мраморных ресторанах никакой еды, кроме жутковатых мясных тефтелей с макаронами в застывшей подливке – бесплатно. За счет профсоюза. На попытку попросить меню официанты рычали свирепо: «Ал Италия?» – и совали миску с макаронами.

В своем номере я не смогла зажечь электричество. Другие пассажиры тоже не смогли – никто раньше не жил в таких роскошных отелях, где свет включается с помощью ключа-карточки. Все бродили с этими ключами по коридорам, пытались выяснить друг у друга, как и куда их втыкать, и чувствовали себя последними лузерами.

Рис. 1 Самолет был такой: узкий, длинный и очень трясу-чий

Потом я отправилась погулять по Вечному Городу, мне на ногу наехал скутер. Не на полной, конечно, скорости – так бы я осталась без ноги. Сама была виновата, зазевалась на переходе. Еще бы – я практически спала на ходу. Впрочем, может, и он дернулся раньше времени, не знаю. Он извинялся. Был бы этот мотоциклист хоть один, сам по себе. Я бы изобразила, что ноге капут, он бы меня куда-нибудь повез, и неизвестно, что бы еще из этого вышло, но у него сзади сидела блондинка в серебряном шлеме. Я показала, что, мол, ничего, нормально, и поковыляла себе. Потом уже в гостинице долго пыталась отмыть ногу, на которой остался черный след от протектора. След не отмывался. Терла его и терла, пока не дошло: это не грязь, а синяк. От удивления – ничего себе! синяк в форме протектора! – я сделала, должно быть, какое-то резкое движение, и в беломраморной шератоновской ванной свалилась пластмассовая палка с занавеской – прямо мне на голову.

На этом история могла бы уж и кончиться, но она не кончилась.

Опять подъем ни свет ни заря – как в страшном сне, где все повторяется. Завтрак в отеле начинался с 7.30, а автобус в аэропорт должен был отъехать в 7.35. Надо ли объяснять, что 7.45 все наши еще намазывали джем на булочки. В 8.10 выяснилось, что автобус был – и уехал. Уже договариваясь с таксистом (и почему, интересно, я так рвалась-то в Москву? убей не помню), я слышала, как высоко-причесанная дама на чистом русском языке объясняла портье: «Вы должны позвонить в аэропорт и сказать, чтобы они задержали наш рейс. Вы понимаете меня? Позвоните и скажите, мы задерживаемся!» Дикция у нее была изумительная. Она показала мне настоящей, стопроцентной идиоткой.

Рис. 2а Так выглядела ее прическа

Рис. 2б Или так

Рис. 2в

Или, пожалуй, вот так

Римский таксист понял, что я в истерике, и содрал за пятнадцатиминутную поездку долларов девяносто – практически все, что у меня имелось. Странно было бы, если б он поступил по-другому.

Я думала, что уже опоздала, – но ничего, зарегистрировали. Села в самолет. Отдышалась.

Мы почему-то никуда не летели. Стояли. Время вышло, а мы все стоим.

Через сорок минут вломились четверо с нашего рейса, все в мыле. Они тоже взяли такси.

Остальные прибыли еще через полчаса, не раньше. Не спеша, с чувством собственного достоинства. Портье все понял. Им подали другой автобус.

В эконом-классе мест не оказалось, и их разместили в первом. Поили настоящим шампанским. Кормили по карте. Нам носили сохлую курицу, а они выбирали между лососиной и маленькими осьминожками. Дама с четкой дикцией сказала, что может, пожалуй, попробовать и то, и другое, а еще ей нужен двойной кофе (только не растворимый!), минеральная

вода без газа с лимоном, лед отдельно и еще плед.

Стюардесса называла ее исключительно «миледи». В переводе на русский это будет, я думаю, «барыня».

Безе

Недавно у нас зашел разговор о безе. И мы согласились с тем, что безе – одна из самых странных вещей, с которыми нам приходилось сталкиваться в жизни. Безе занимает какое-то непропорциональное себе место. По мне-то, хоть бы его и вовсе не было – приторное, неприятно царапается и скрипит во рту, даже напоминает асбест или пенопласт. Не помню, чтобы у нас дома когда-нибудь пекли это самое безе. И, однако же, слово «безе» я знаю с детства, как будто это некое важное и необходимое знание, вроде Ждыдва и Юпять.

Есть даже анекдот про безе: «– Девушка, что это у вас на витрине – такое белое, воздушное, такое все неземное? – Это? Да это же безе. – А! Ну, дайте, пожалуйста, две бутылки водки!» Мой самый любимый анекдот – потому что он как бы очень о многом. В частности, о соотношении сути и смыслов.

Смысл безе – «белое, воздушное, такое все неземное», со звучным и изящным французским именем, которое переводится как «поцелуй». (Ноздрев говорил: «Позволь же влечь тебе безешку!») На жаргоне *baiser* – трахаться. А суть его – всего лишь взбитые с сахаром и запеченные в духовке яичные белки – изначально скользкие, прозрачные, тягучие; и с этой неприятной штучкой, которая напоминает о несо-

стоявшемся птенце... Впрочем, и суть поцелуя можно описать столь же малоаппетитно.

Суть – но не смысл.

Я обожаю: меню, поваренные книги, любую кулинарную литературу. Даже упаковки – всегда читаю, что написано на коробках и этикетках. Помещенный на них текст – конечный итог перехода сути в смысл. На рынке, на кухне процветает чувственный мир, там вкусы и запахи, лед и жар, свежесть и брожение. У рыб, грибов и овощей есть названия – но эти названия не довлеют. Попадая на стол и, тем более, на бумагу, материальные вещи осеняются названием. А иногда и становятся названиями – в большей степени, нежели продуктами. Салат «Мимоза» – в нем больше от мимозы и от 8 марта, чем от салата. Китайские блюда с названиями вроде «Великая битва тигра с драконом»: что здесь важнее – имя или банальный карп с еще более банальной курятиной? Или вот: унылый корнеплод – и картошка по-пушкински, оваянная легендой, осененная рецептом: «отваренный в мундирах картофель обжаривается в сливочном масле на углях»... На каких нафиг углях? А на электрической плите – не хотите ли? Однако же, незримый образ пушкинских поэтичных углей дает явный и чудный аромат.

У великих поваров и гурманов дать блюду свое имя считается огромной честью – как дать имя звезде. Графа Строганова помнят благодаря блюду, которое он особенно жаловал. Графиня де Сюзбиз дала имя соусу с луком (сравнить: луко-

вая подлива или соус сюзиз). Дюбарри – это все, что с цветной капустой; по имени фаворитки Людовика Пятнадцатого. Есть условные коды: например, «по-лукулловски» – это всегда с трюфелями, «а ля Романов» – почти всегда с шампанским, и всегда дорого. Здесь суть и смысл находятся в относительной гармонии – и поэтому высокая кулинария и вполнину не так интересна, как кулинария стихийная, фактически народная, кулинария родственных застолий, плохого общепита и сомнительных сборников рецептов. Это истинный пир названий; мое любимое чтение в сладостные часы душевного отдыха.

Фаршированный судак, подкрашенный свеклой, – рецепт озаглавлен: «Подарок молодого царя». Какого такого царя? Кому подарок? Куда смотрел в это время старый царь? А вот и рецепт «Морской царь»: 2 кг малосолевой сельди, 15 яиц, мука, молоко, уксус, лук, соль; через мясорубку, взбейте, посолите, смешайте, вылейте в горшочки. Зачем солить, если и так солоно? Откуда взять такую пропасть горшочков? И что с ними делать – ставить в духовку или совать в холодильник? Нет ответа на эти вопросы.

Попадают рецепты, столь же немислимые, как и их названия. Борщ «Сытый карасик», уха «Овсянка, сэр!». А как вам нравится жареная килька «Почувствуй аромат»? Угорь «Змеюка»? Сом «Толстячок»? Щуку, естественно, нарекают «Зубастиком», как футболиста Роналдо. При этом рецепты восхитительно, как-то по-растамански неточны: «Возьмите

500 грамм мяса» – какого мяса? Да неважно, какого. Какое будет, того и возьмите.

Эти книги можно перечитывать просто так, наслаждаясь, а можно пытаться анализировать. Например: караси в сметане названы «Барская забава», а жареная салака – «Трущобы». Тут выразились социальные представления: безымянный автор относит себя то ли к среднему классу, то ли к верхушке пролетариата (что, несомненно, адекватно). При этом одно из наиболее невразумительных рыбных блюд названо ни много ни мало – «Забава к ланчу». К ланчу, понимаете. Не к чему-то там, а к ланчу. Забава, да.

Когда я дочитываю до этого места, мне всегда становится как-то грустно. «Забава к ланчу». Это просто Грин какой-то, «Алые паруса».

Есть прелестный зверек – енот-полоскун. Он известен тем, что инстинктивно начинает стирать любой предмет, который попадет ему в лапы. Если еноту дать безе, он старательно стирает и его, и пирожное быстро растворяется в воде. Енот обескуражен, он забавно недоумевает, ищет – куда пропало? Еноту дают новое безе, он и его стирает... Даже чересчур метафорично, с перебором.

Очень печальная вещь это самое безе.

Бриллианты

Похищенные бриллианты фигурируют примерно в каждом втором произведении приключенческого жанра. Там они как нигде уместны – как масло в каше или, к примеру, соль – в солёных огурцах, если позволите такое сравнение.

Еще, конечно, поэтическое творчество.

Свет. Слезы. Глаза. Роса. Снег. Лед. Град. Алмазы – совершенно незаменимый стройматериал для метафорического описания любых климатических явлений. А вот какие прекрасные стихи я нашла на форуме поклонников сериала «Санта-Барбара».

Колье из брильянтов он Келли вручил,
А Иден цветы и ракушки дарил.
Наверное, только романтик поймет,
Что брошка, ракушка, колечко твое
Куда дороже вещи миллионной,
Ведь ты их отдавал с любовью огромной!
И если русалка сказала бы «да»,
Ты ради нее бросил все бы тогда!
Но этому, друг мой, не быть никогда...

Название простое – «Стихи о Крузе и Иден» (кто бы ни были эти люди).

Неплохие стихи с брильянтовыми метафорами есть и в

подборке, посвященной торговой марке «Бочкарев» (описание капель на стенках пивного стакана, очень убедительно).

Если поискать, брильянтовые искры есть везде: тут и краска для автомобилей, и гель для волос, и мякоть сортового помидора, и татарское женское имя (Бриллиант Хасанова), и водка украинского производства (просто «Брильянт»). Ну и, конечно, Джеки Брильянты, Феликсы Брильянты, фавориты скачек, яхты, кобели-производители и проч., и проч.

Брильянтовая свадьба – 60 лет совместной жизни.

Брильянтовый старт – суперстарт Формулы-1.

Брильянтовое кольцо – эффект во время полного солнечного затмения.

Брильянтовая зелень – простая зеленка, которой мажут детей, когда у них ветрянки.

Любое упоминание о бриллиантах необыкновенно украшает подборку светских новостей. *На благотворительном White Tie and Tiara в шопе Ронан Китинг купил в подарок жене пару туфель с брильянтовыми инкрустациями от Ferragamo за 13 тысяч фунтов, которые пошли в Фонд борьбы со СПИДом, основанный Элтоном Джоном.*

Рекламный текст: *Позолоченный ключ с 6 брильянтами и увесистый брелок с выгравированной фамилией владельца подчеркивают эксклюзивность автомобиля.*

Недаром Энди Уорхол, говорят, ходил по ювелирным магазинам с большим пластиковым пакетом и скупал все подряд: то, что так ярко блестит и так дорого стоит, не может не

быть предметом искусства.

Вот еще хорошее сообщение.

Британская компания Victoria Secret, производящая шикарное дамское белье, к Рождеству приготовила подарок для очень состоятельных дам. Комплект белья – лифчик и трусы из красного шелкового атласа, сплошь расшиты рубинами и брильянтами в общей сложности на 300 карат, а также полудрагоценными камнями.

Вся эта красота стоит 15 миллионов американских долларов, но, что особенно приятно, покупательнице полагаются браслет и тонкий золотой пояс с алмазами в качестве бесплатного приложения. Представители Victoria Secret подчеркивают, что сам по себе этот бонус тянет на 3,7 миллиона долларов, и называют свой подарочный комплект *наивысшим полетом фантазии*.

Честно попытавшись разогнать свою фантазию в нужном направлении, я попыталась представить себе состоятельную даму, одетую в: лифчик; тонкий золотой пояс; браслет; расшитые камнями трусы, – увы, моя Барби вышла какой-то вопиюще нереспектабельной. Пожалуй, стоит добавить кое-какой одежки. Получилось получше: фирменный пояс и браслет дают сигнал для посвященных: под платьем нечто такое! такое!

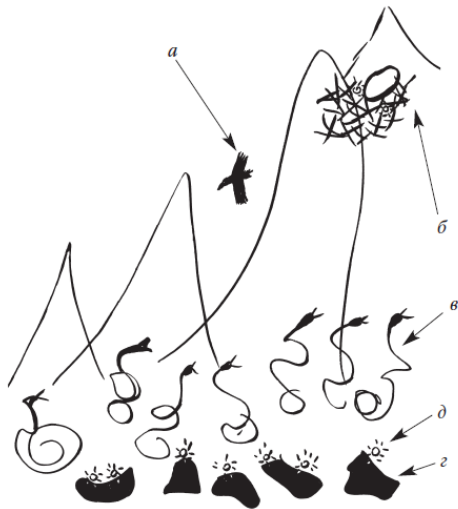

Рис. 3 В преданиях о Синдбаде-мореходе описан следующий способ добычи алмазов: «В далекой стране находится очень глубокое ущелье, дно которого усеяно алмазами. Доступ к сокровищам преграждают огненные змеи. Но люди додумались сбрасывать в ущелье большие куски мяса. Алмазы прилипали к мясу, которое огромные орлы уносили в свои гнезда. Смелые и ловкие искатели сокровищ добивались до орлиных гнезд и забирали драгоценные камни». а. Орел; б. Гнездо с яйцом; в. Огненные змеи; г. Куски мяса; д. Алмазы

Полет фантазии штука коварная: как разлетится, так не остановишь. Белье ведь можно, по идее, надевать и наизнан-

ку, то есть камнями к телу... Это должно, видимо, привлекать любителей особо острых ощущений. Немедленно поделилась этими идеями с мужем, на что он, отпив светлого пива, сказал: неужели, мол, я не понимаю, что в этих ужасно некрасивых, прямо таки уродливых (ему была предъявлена фотография в Интернете), нелепо скроенных, сверкучих трусах и так-то невозможно ни сесть, ни лечь, ни даже встать? Да их даже снять – и то противно, не то что надеть! И я абсолютно точно поняла, что если меня и ожидает подарок к Рождеству, то это будет что-то совершенно другое. Менее кусачее.

Ну, и хорошо.

Хотя сам, между прочим, привез мне из Гамбурга блестящую кольчужку, явно купил ее в магазине для проституток и очень прикалывается, когда я в ней жарю яичницу с колбаской или режу салат оливье. Но кольчужка, надо сказать, и правда совсем не колетса. Милая, смешная... Интересно вот: можно ли такую вещь считать семейной драгоценностью? Передавать по наследству, упоминать в завещании и все такое? Мои внучки или там правнучки должны, по идее, порадоваться, когда найдут ее в прабабушкином (моем) сундуке. Хотя уверена, что диамантовые трусы с лифчиком от Victoria Secret порадовали бы крошек намного больше. Все-таки 15 миллионов старыми долларами, не считая бонуса. Увы, не судьба.

Удивительно все-таки, сколько времени я уже размышляю

на эту тему, а ведь всегда считала себя благоразумно-равнодушной к драгоценностям. Но представляю, как должны возжелать эту вещь восточные красавицы. Я когда-то была в Узбекистане, и мне рассказали о процедуре мусульманского развода. Если муж трижды говорит жене какое-то слово, я его забыла, типа «Развод! Развод! Развод!», она должна уйти из дома, тут же, в чем есть. Поэтому восточные жены стараются все свое носить на себе постоянно: браслеты, кольца, серьги, зубы из драгметаллов. Зубы – это очень надежно. Но и алмазные трусы – неплохая гарантия надежности. В наше нестабильное, не забудем добавить, время. А еще лучше – брильянтовый пирсинг.

По сообщению британского издания Celebrity Bodies, фирменный пупок Бритни Спирс стал в буквальном смысле слова брильянтовым. В естественное углубление – ямку на животе юной дивы – вставлен брильянт весом в 109 карат. Оправа сделана из драгоценного бескислородного палладия – гарантия того, что трансплантант не доставит неудобств.

Отходя от пирсинга в клинике, Бритни Спирс занималась литературным трудом – она обещает, что ее новый роман будет очень, очень трогательным.

Интересно, какой там будет сюжет? Я постоянно придумываю оригинальные сюжеты трогательных романов, но мне совершенно некогда их писать. Могу подарить один сюжет Бритни Спирс. Допустим, вот такой.

Жила-была одна девушка. Она была очень-очень красивая, из очень знатной и богатой семьи. Но отец ее умер, и как-то так получилось, что у них с матерью совсем не осталось денег. Буквально нечего есть, одни долги. Но тут, к счастью, в девушку влюбился один очень богатый человек, интересный брюнет, еще не старый, но очень самостоятельный. Он полюбил ее страстно, и она согласилась быть его женой. Он снял роскошные каюты на корабле, и они поплыли в Америку, чтобы там жениться. И вот на корабле девушка, а ее звали Роза, встретила совсем молоденького блондина, американца, художника, совсем бедного, очень красивого. И она полюбила его страстно! И он тоже ее полюбил, и нарисовал ее портрет во весь рост, причем она позировала ему совсем-совсем обнаженной, только с огромным синим алмазом на шее, а алмаз этот ей подарил ее жених. И этот самый жених застал их, и так подстроил, что художника, его звали Джек, обвинили в краже драгоценного, очень дорогого камня, а он был совсем не виноват. И Роза за это плюнула своему жениху прямо в лицо! Но тут корабль столкнулся с айсбергом и начал тонуть! Почти все пассажиры погибли, и Джек утонул, а Розу спасли. И так получилось, что алмаз так и остался у нее. И вот, много лет спустя, когда Розе было уже сто или двести лет, она опять села на корабль, и бросила свой синий алмаз в синее море, а потом пошла в свою каюту и тихо умерла. И если у вас сейчас не навернулись на глаза слезы, то нет у вас сердца, и вы ничего не понимаете ни в

любви, ни в брильянтах, ни в трогательных романах.

Бытовые преступления

Кто лазил в банку с вареньем ложкой? Опять в масленке хлебные крошки! Что – трудно было убрать в холодильник? Какое свинство: заводит будильник, а сам дальше спит как ни в чем не бывало, а я полдня потом злая, с большой головой... Монотонный домашний рэп, дребезжащий фон.

Совместное проживание – как длительная позиционная война: здесь временно отступил, зато там надежно пометил территорию. «Эта пыль, мистер Холмс, целиком на вашей совести. Вы не позволяете мне навести порядок в вашей комнате! – Ваша уборка, миссис Хадсон, – настоящее преступление...» Одних раздражает, когда ломают хлеб («Надо резать!»), других – когда режут толстыми ломтями («Надо тоненько, чтобы просвечивало!»). Одни любят, чтобы закуски были разложены по тарелочкам, другие считают, что есть прямо из упаковки – нормально: «Даже как-то наряднее». Одни никогда не кладут диски обратно в коробки, другие рассовывают диски по *каким попало* коробкам, да еще и заявляют: «Это же лучше, чем когда они хрустят под тапочками». Моя свекровь ненавидит, когда часто открывают холодильник (см. ХОЛОДИЛЬНИК): ей кажется, что это чрезвычайно вредит и холодильнику, и хранящимся в нем продуктам. Моя мама очень недолюбливает, когда пьют компот прямо из кастрюли или лезут рукой в банку с солеными огурца-

ми: «Они скиснут!» – «Ничего, мы их быстро съедем!». Моему папе кажется варварской манера оставлять раскрытые и перевернутые обложкой вверх («заломанные», как он говорит) книги; он их аккуратненько закрывает и аккуратненько ставит на полку. Хорошо, если в доме есть хотя бы один человек, который машинально все подбирает и раскладывает по местам. Беда только в том, что не всегда можно сообразить, где они – эти так называемые «места»? Куда засунули тот спичечный коробок, на который я аккуратно записала пин-коды кредитных карточек? Где газета (то ли Exile, то ли «Центр-плюс», в крайнем случае «Спорт-экспресс»), на полях которой набросан очень ценный бизнес-план? Где, где?

Часто все объясняется разницей культур, обстоятельств, происхождения. Некоторые лондонские, парижские и токийские семьи до сих пор освежаются по утрам в одной и той же ванне. То есть, реально, в одной и той же воде; и преступление, как раз, – выпустить эту воду раньше срока... Бывают преступления по неосторожности, или по незнанию, иногда даже – от излишней старательности: кто-то наводит утюгом стрелки на джинсах, кто-то состриг ножницами бахрому с дизайнерского наряда, кто-то вымыл с хлорочкой глиняный китайский заварочный чайник, уничтожил «душу чая», и чайник после этого – только выбросить...

Бытовые преступления – тема не юридической, а, скорее, художественной литературы, но иногда они запросто могут попасть под уголовные статьи: «доведение до самоубий-

ства», или «провокация». Алексей Каренин имел неприятную привычку хрустеть пальцами: не это ли, в частности, привело к гибели бедную Анну Аркадьевну? Я лично сталкивалась со случаями: систематического засовывания шуток от бананов в щель между стеной и диваном; засовывания туда же ношенных носков; прогрызания в куске сыра нор, наподобие мышиных... Или, вот, как вам такая манера есть яблоко: резать его на кубики сантиметр на сантиметр, а потом тыкать в каждый кубик вилкой? По-моему, за такое впопугу убить, и суд присяжных, как говорится, тебя оправдает. А еще я, если честно, плохо выношу, когда колбасу и хлеб режут прямо на столешнице. И круги от чашек меня раздражают безмерно.

Я по натуре – бытовой преступник. Любое свое перемещение по жилому пространству я помечаю: мандариновой кожурой, огрызками яблок, флакончиками косметики, бумажками, на которых записаны важные телефоны, и всякой прочей дрянью. Между прочим, когда я обнаруживаю засохшие огрызки в комнатах своих сыновей, я слегка возмущаюсь. Наверное, подсознательно исхожу из того, что наши дети должны быть лучше нас. Или, во всяком случае, – что им как бы меньше дозволено. Обычная история: двойные стандарты, двойная мораль. Мне можно пожирать салат ложкой из миски, а им: «Ты что – не можешь взять себе тарелку?» Тут явно наблюдается двойной стандарт, да. Хотя и собственная неряшливость, если сказать правду, у меня вызывает не осо-

бо много умиления. Что хорошего-то? На остатки фруктов слетаются мухи-дрозофилы. Очень нужные записи проваливаются сквозь землю, а бумажки с абсолютно неидентифицируемыми телефонами (22-33-33-22 н/а??!) приводят в ступор. Проблема в том, что я просто ничего не могу с этим поделать. Не могу приучить себя закручивать колпачок на зубной пасте и не оставлять повсюду бесконечные чашки с кофе и чаем в разной степени остывания, иногда уже позавчерашние, подернутые радужной пленочкой. «Твой чай уже льдом покрылся!» – возмущалась, я помню, мама. А муж, вот, терпит. Хотя сам-то считает, что в доме должно быть как в казарме: а) пусто, б) чисто. Терпит – значит любит (см. ЛБЮОВЬ).

Вегетарианство

«Знаешь, почему я до ночи торчу на работе? – доверительно сообщает N. – Не могу дома находиться. Каждые десять минут подхожу к холодильнику, открываю – и смотрю в него, смотрю... Ужасная зависимость от еды. В конторе лучше: кофе растворил, сигарету закурил и свободен».

Сорок лет, метр девяносто рост, мышцы как у носорога.

Зеркальная история: NN, 25 лет, натуральная блондинка, как-то совершенно неожиданно отказывает от дома бойфренду, с которым до этого жила почти семейно и даже в большой любви. Страдает потом ужасно, но с каждым днем хорошеет – просто поразительно. На комплименты отвечает:

– Ну да, спасибо, я и сама вижу. А все почему – перестала целыми днями готовить для него котлеты. А по ночам – эти самые котлеты поедать в тоске. Он приходил-то всегда по-оздно.

Актриса, месяцами сидящая на макробиотической диете, неожиданно с истерикой заявляет, что немедленно должна съесть что-нибудь жареное, с кетчупом.

Прикованная к одру старушка просит не стакан воды, а кусочек брауншвейгской колбасы – «как довоенной».

– Потом-то ее не было, а еще потом врачи не разрешали – холестерин, а теперь мне все равно.

Известно также, что дети, которым разрешают есть сколь-

ко угодно конфет, к сладкому обычно равнодушны.

Чревоугодие – как бы грех, но вообще-то еда одна из чистых и богоугодных радостей жизни – это вам любой поп подтвердит. Но может, это относится не к любой еде, а только к меду, хлебу, акридам? Насекомых поедать сейчас очень модно. Из Африки вывозят поваров, которые умеют грамотно изжарить червячков и кузнечиков. В европейских столицах открывают рестораны, специализирующиеся на блюдах из насекомых: дорогие, у входа сплошь бентли и ягуары, бронирование столиков за неделю вперед.

В главном московском new age магазине «Путь к себе» отдел продуктов и специй занимал когда-то крохотный уголок. Так, захаживало несколько постоянных покупателей, способных не только понять, что такое семена шамбалы, но и приобрести этот продукт. Но таких завсегдатаев становилось все больше, и для них отгородили целый угол: с диким болотным рисом и десятком разновидностей риса басмати, с кунжутным маслом холодного отжима и еще с десятками бутылок разного масла, с витринами травяных чаев, пирамидами разных видов зеленого чая, и шариками тапиоки, и брикетиками прессованной коры пальмы, и банками побегов бамбука, и какими-то сушеными корешками, – и все это расхватывалось, а сейчас хозяйка магазина говорит, у нее чуть ли не две трети прибыли идет именно от этого съедобного отдела.

То есть экзотические сувениры, книжки, кассеты с эт-

нической музыкой уже побоку: продвинутый потребитель предпочитает потреблять информацию new age не глазами, не ушами, не чем-нибудь еще, а непосредственно внутрь.

А в главном московском вегетарианском кафе «Джаганнат-экспресс» открыли дополнительный зал. Лепешки из морской капусты, котлеты из овощей со специями, что-то-такое, завернутое в рисовые блинчики, – довольно вкусно, хотя не так уж и дешево.

Но – не протолкнуться. Заказ обедов в офис – можно поститься всей корпорацией.

За столиком над пластиковыми менажницами с едой слилась в поцелуе парочка. Едва переведя дыхание, она произносит: «Я люблю только водоросли!» Главное, страстно так. Наверное, правда любит водоросли.

Я, если честно, тоже водоросли люблю.

Странная, конечно, еда – вроде как латекс какой-то жуешь, но почему-то возвышает. Как будто не просто жуешь, а смотришь при этом фильм Кусто по каналу Discovery и раздумываешь, не поехать ли с друзьями поучиться дайвингу, и не завести ли аквариум, а еще, говорят, в водорослях много йода, от которого улучшается характер, и фосфора, от которого умнееешь. А кто ест свинину – тот сам как свинья, это еще Улисс писал, то есть, в смысле, известный писатель Джойс.

Рис. 4

Креветка похожа на русалку. И все-таки она считается менее одушевленной едой, чем корова

Рис. 5 А вот сожрать/употребить в пищу морского конька решится не каждый

Но только, просидев битых три часа в японском кафе, выпив литры зеленого чая сенча, скушав мисосупчика и роллов с авокадо, пообсуждав, натурально, последнего Мураками, многие почему-то идут на бульвар, покупают пару хот-догов

и сжирают их на скамейке даже с каким-то остервенением.

Очень понятный порыв, между прочим. Гораздо более человечный, чем, например, факт существования таких продуктов, как бефстроганов из соевого мяса или соевые сосиски. Конечно, и в обычных сосисках мяса, говорят, содержится процента примерно два-три, – но эти, если они вегетарианские, зачем же тогда вообще прикидываются сосисками? Просто потому, что сосиски – это какая-то как бы привычная форма, в которой мы привыкли воспринимать еду?.. Что же: овца в волчьей шкуре?

Или вот: соевая спаржа. Это уж совсем непонятный какой-то продукт. Одно растение (соя) прикидывается другим (спаржа). Какая-то, как говорят дети, ложная фигня.

Вежливость

«Ничто не обходится так дешево и не ценится так дорого, как вежливость», – последний раз повстречаться с этим известным изречением мне довелось на Измайловском рынке, его еще называют Вьетнамским. Оно красовалось на витрине с вывеской «ПБОУЛ Хайрутдинов», аккуратно выведенное по стеклу белой краской. Прекрасный, должно быть, человек этот ПБОУЛ Хайрутдинов. И персики у него были один к одному – с боксерскую перчатку и румяные, как снегири.

Насчет того, что вежливость дает сверхприбыль при минимальных инвестициях, – это абсолютный факт. Улыбка рубль бережет – Дэйл Карнеги с удовольствием подписался бы под таким афоризмом; он, собственно, это самое всегда и твердил, только пространнее. Некоторые карнегианцы, будь они прокляты, толкуют ценность вежливости настолько буквально, что, расписывая свои товары и услуги, добавляют: «Улыбка – бесплатно!» Чем дают, между прочим, понять: любые их усилия, в том числе и связанные с сокращением лицевых мускулов, должны, по-хорошему-то, стоить денег.

Вообще вежливость – очень неоднозначная добродетель.

У моих друзей в архитектурном бюро работал администратор – пожилой господин с внешностью Омара Шерифа, усатый, двухметрового роста. С заказчиками он был не просто вежлив, но старорежимно, до приторности и вити-

еватости любезен. Голос при этом громовой. Главной его служебной функцией было давать отлуп недовольным заказчикам, если возникали конфликтные ситуации. Он составлял письма примерно следующего содержания: «Милостивый государь! В ответ на Ваше отношение касательно якобы имеющихся расхождений между положением на строительной площадке и рекомендациями, изложенными в проектной документации, позвольте деликатнейшим образом отметить...» Это имело просто нокаутирующий эффект. Милостивые государи буквально теряли дар речи и способность к сопротивлению, исчезали, даже не потребовав вернуть им аванс. Действительно «деликатнейшим образом».

Очень интересная вежливость у англичан, особенно у тех, кому по положению надо быть как бы эталоном джентльменского поведения. Сначала у них становятся стеклянные глаза: стараются запомнить твое имя, как оно произносится. В этот момент их очень жалко. Потом начинают вести непринужденную беседу. На приеме, в посольстве, например, бывает так: на время тебя оставляют в покое. Ты стоишь с бокалом, все очень по-светски, совершенно готовая к общению. Слегка расслабляешься. Потом расслабляешься настолько, что когда подходит очередной официант с подносом, берешь у него какую-то съедобную штучку и кладешь ее в рот. Вот в этот момент у тебя из-за спины как чертик из коробочки возникает хозяйка или хозяин. С широчайшей улыбкой: «Что ж, рада видеть вас! Что вы думаете о последнем ро-

мане Владимира Сорокина?» Это ужасно. Съедобная штучка, которую в другой момент вы бы проглотили и не заметили, отказывается сотрудничать с зубами, языком, горлом, а также с пищеводом, в котором начинаются спазмы. Кажется, что прошло уже два часа, позорнейших в твоей жизни. Единственный раз в жизни я «работала на визите» – тогда к нам приезжала как раз английская королева. Это было как в сказке. Пришлось, правда, очень много стоять на морозе, но ничего. Для журналистов был даже отдельный прием в Инженерном корпусе Третьяковки. В приглашениях было указано: «коктейль, форма одежды дневная, парадная». У меня было маленькое черное платье с вырезом, которое я сочла страшно подходящим. Сверху надела пиджак – к счастью, потому что оказалось, все коллеги в костюмах. Королева была в пальто. Нас проинструктировали, что, здороваясь с Ее Величеством, нужно сделать легкий книксен. Когда дошла моя очередь, делать книксен мне показалось почему-то дико глупым, как будто мы в детском саду. Королева, кажется, удивилась. Пока я говорила, как меня зовут и где работаю, она смотрела на меня с реальным интересом. Мне понравилось. Роль хозяина приема выполнял ее муж, принц Филипп. Он выскочил, как принято, из-за спины, но я ничего не жевала, и это было счастье. И он ничего не спрашивал, просто озвучил какую-то свою мысль, чуть ли не о погоде. А моя подруга была на таком же приеме в Петербурге, так он подскочил к ней и спросил: «Рад видеть вас. А чем вы

занимаетесь?» Она ответила, честно: «Феминизмом, гендерными проблемами». А он: «О, милочка! Это такие глупости, уж поверьте мне!» У моей подруги очень хороший английский и характер дико агрессивный. Я думала, она ответила ему что-то вроде: «Учитывая ваше, сэр, специфичное положение, вашу точку зрения легко объяснить», но она нет, пробормотала что-то невнятное. Побоялась быть невежливой. А он не побоялся, надо сказать. Это ведь страшно невежливо – заявить человеку, что ты, мол, занимаешься глупостями. Говорят: джентльмен – это тот, кто никогда не оскорбит никого нечаянно. Так, может, он оскорбил сознательно?

И как оценил бы этот поступок ПБОЮЛ Хайрутдинов?

Сказать по правде, этот вопрос до сих пор меня занимает.

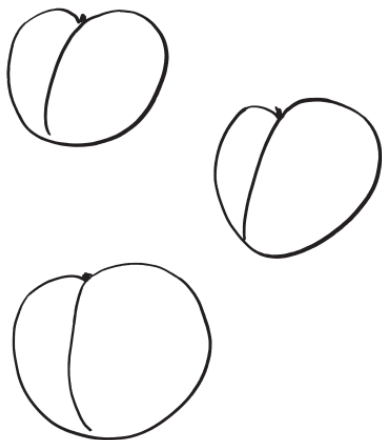

Рис. 6 Такие персики продавал ПБОЮЛ Хайрутдинов

Велосипед

Очень немного людей в мире не умеют ездить на велосипеде. Я одна из них. Еще мои троюродные сестры не умеют. Когда мы были маленькими, какая-то газета напечатала статью: профессор медицины утверждал, что велосипед вреден для девочек. Что-то там неправильно у них формирует – страшно даже представить что. У профессора было, судя по всему, довольно извращенное воображение. А может, и не извращенное, а просто – сильно развитое. Так или иначе, всем детям покупали трехколесные велосипеды, а нам нет. У нас в семье, к сожалению, была очень развита вера печатному слову.

Если с детства не катаешься на трехколесном велосипеде, то поехать сразу на нормальном двухколесном велосипеде очень трудно. Мне, например, так и не удалось научиться, хотя несколько раз пыталась. Очень страшно. Конструкция с двумя опорными точками – это же ненадежно. И я же не ребенок, чтобы все время падать.

Я практически уверена, что на двухколесном велосипеде с дополнительными страховочными колесиками сзади, как делают для детей лет пяти-шести, я смогла бы научиться. Но где такой взять?

Плавать я тоже практически не умею. Нет, плавать меня как раз учили, против плаванья никакой профессор в печати

не выступал. Знаете, как учат тренеры в бассейне: «На счет “раз!” вдохнули, задержали дыхание и легли на воду. Ладони сложили лодочкой, вытянули стопы, локти туда-то...» Прodelать все это правильно казалось так сложно – ну, нереально. Вдруг собою и сначала сложу руки лодочкой, а глубокий вдох уж потом. А главное, все знают – в воде можно утонуть. Как, нафиг, Муму.

Я один раз тонула, лет в четырнадцать, – это очень страшно. Упала с лодки (выпасть откуда-нибудь – это по моей части). Быстро так – уууупс! – и ушла под воду. Волосы так сразу плавно – ууууууупа! – наверх. И сразу надо, конечно, чтобы перед глазами пронеслась вся дурацкая жизнь. Ну, она и пронеслась. И так мне стало обидно, и так жалко маму, что я взяла и забарахталась как-то, и всплыла, и как-то даже добарахталась до берега. И решила даже, что наконец научилась плавать. Но назавтра же выяснилось, что опять разучилась.

Потом уже, совсем недавно, меня одна маленькая девочка в самом деле научила. Она сказала: «Ну смотри, просто берешь, ложишься вот так. Ну, и плывешь». С ума сойти. Она сама плавала, как какая-то рыбка, и вообще не задумывалась, когда там вдох, когда чего.

А другая девочка научила меня ездить на роликах. «Ну, вот так отталкиваешься и едешь». Но я умею только, почему-то, по кругу и только в одну сторону – против часовой стрелки. А на зимних коньках с полозьями не умею совсем,

хотя мечтаю.

Рис. 7 Велосипед

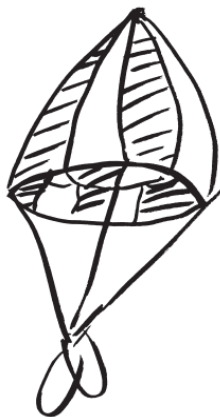

Рис. 8 Парашют

Учитель физкультуры меня ненавидел. Я не могла ничего: ни перепрыгнуть козла (когда я к нему подбегала, поче-

му-то казалось, что козел сам хочет на меня накинуться), ни исполнить кувырок вперед (казалось, что от этого может переломиться шея), ни бросить условную гранату на подобающее расстояние (не знаю даже почему), – и никогда не могла поймать брошенный в меня мяч (страшно).

Еще я не умею играть ни на каком музыкальном инструменте, хотя, мне кажется, при желании смогла бы на барабанах.

Петь я тоже не умею, потому что у меня нет слуха. А петь, не имея слуха, стыдно, так поют только пьяные, шатаюсь по улицам. Я могу, конечно, исполнить «Крылатые качели» и еще одну песню на английском языке про старушку, которая проглотила муху. И еще: «Я Земля, я своих провожаю питомцев – сыновей, дочерей. Долетайте до самого Солнца...» Очень хорошая песня, изумительная. Но что-то никто меня на бис особенно не вызывает, я заметила. «Я буду, мам, спать, буду. Только ты не пой, не надо». В моей семье все считают, что это хороший признак: ребенка не устраивает мое пение – значит, у него у самого, возможно, есть слух.

Я думаю, не надо даже уточнять: прав у меня нет, и машину водить я не умею. Однажды муж попытался меня учить. Начал с ручного переключения скоростей. Первая скорость и задний ход – выяснилось, что перепутать эти два положения ничего не стоит. Кроме того, это была не очень хорошая идея – учиться рулить на дачном участке, где через каждые

пять метров какая-нибудь сосна. Я до сих пор считаю, что мы не врезались просто чудом. Машина скакала, как какой-то заяц, отвратительно. К тому же прищемили дверцей мне руку.

Еще я никогда не умела: печь настоящие пироги, делать «мостик», сидеть в позе лотоса, завязывать мужские галстуки, фехтовать, стрелять по цели, приготовить плов, собрать автомат Калашникова, управлять самолетом и так далее. Мой добрый муж считает, что я, пожалуй, могла бы научиться водить трамвай. «А потом, когда натренируешься, – глядишь, и троллейбус». Мне отвратительно это слышать, и каждую весну я собираюсь учиться водить – «Знаешь, есть такой инструктор Виктор, у него все девчонки научились, правда он немножко хватает за коленки и называет дорогулей, но зато нестрашный, комплексов не внушает, ты к нему обязательно пойди», – но пока так и не выбралась. Этой весной – обязательно. Или научусь водить машину, или просто пойду и прыгну с парашютом. Мне кажется, чтобы прыгнуть с парашютом, никаких особых умений не нужно; нужно только отчаянье.

Вещизм

Смутное слово из советского детства человечества, из карманного словаря лектора-политинформатора. Стиляги, плесень, борьба с мещанством, вещизм... Вещизм – это, я понимаю, так: обожествление быта. Вещь как идол, как фетиш. Одни вещи становятся фетишами, другие нет. Почему так? Видимо, потому, что одни вещи – просто предметы быта, а другие – воплощение некой человеческой мечты.

Вещей-фетишей очень много. Во-первых, все, что движется: автомобили, мотоциклы, личные самолеты. Даже велосипеды, ролики, самокаты. Скейты?.. Видимо, нет. И большие самолеты – нет, не фетиш. Уже нет – с тех пор, как большие аэропланы превратились в пассажирский транспорт. Нынешнее пренебрежение этой отраслью (хотя бы то, какие безобразные условия труда у авиадиспетчеров) – следствие того, что летающие машины перестали быть чем-то магическим.

Телефон был фетишем на заре своего изобретения. Потом долгие годы – нет. С изобретением мобильной связи – стал опять. И не потому, что это такое уж супер-пупер техническое изобретение. А потому, что мобильник – воплощение детской мечты «Сокол, Сокол, я Ромашка, выхожу на прием».

В системе ценностей вещизма нет строгой логики и спра-

ведливости. Взять стиральную машину – это же, объективно говоря, настоящее чудо. Вот моя – она у меня девять лет, стоила долларов четыреста пятьдесят. А сколько пользы? Сколько перестирано, выполоскано, выжато, высушено? Абсолютно молча, без стопа, без жалобы, без единого каприза. Какое человеческое существо сделало бы для меня все это – за четыреста пятьдесят долларов? Но к стиральным машинам принято относиться, как к рабыням. А вот телевизор – он идол. Потому что телевизоры транслируют грезы. Манипулируют тонкой субстанцией мечты, профессионально и непосредственно: через глаза и уши прямо в головной мозг, плюс двадцать пятый пресловутый кадр.

Еще, конечно, изоштрены в понимании, что есть фетиш, люди из индустрии игрушек.

Самую острую, до дрожи, жажду обладания вещью я испытала лет в шесть. Вещь была такая – маленький глобус из чего-то вроде стекла или хрусталя, переливающийся огнями. Он издавал даже какое-то тихое пение или звон, и картинка в нем не просто сияла, но и менялась, как в калейдоскопе или в телевизоре. Этот глобус мне примнился, как мнятся изобретателям их изобретения. Никаких практических или магических свойств у него не предполагалось, это был предмет искусства в чистом виде. Желание владеть маленьким глобусом сводило меня с ума, даже голова кружилась, и слабели колени, даже подташнивало от желания – буквально подташнивало. Однажды это желание достигло такой крайней

степени, что я поняла: если ничего не произойдет, оно просто разорвет меня изнутри. Есть такая фигура речи – «распирало от желания» – вот именно это я и испытала. Это было в детском саду, на прогулке. Закрапал дождик, нас загнали на веранду (знаете эти особые детсадовские веранды – не веранды при здании, а отдельно стоящие, замыкающие буквой «п» площадку для прогулок). Мы встали на край веранды и стали смотреть, как капли прибивают пыль и песок. Вот тут-то мое желание достигло пика. Я набрала много воздуха и сказала:

– Вот сейчас, только что, я видела на ступеньках маленький глобус. Он светился и звенел...

Я была почти в обмороке – оттого, что вру, и оттого, что моя неистовая жажда получает какую-то реализацию.

– Он светился изнутри, и в нем все перебежало с места на место.

– Да, я знаю. Это в нем перебегают разные страны, – неожиданно вступила одна из девочек. Ее звали Катя – Катя Игнатьева.

Я обомлела, потому что не ожидала поддержки. Скорее – недоверия. Готовилась убеждать, уверять, божиться: действительно, только что видела, на ступеньках.

– А где ты его видела? – заинтересованно спросила Катя Игнатьева.

Пришлось указать на какое-то место.

– Да, это я его здесь уронила. Это мой глобус. Мне его

подарила Элла!

Элла – это была девочка, которая пробыла в нашей группе дня три, а потом исчезла навсегда. Катя Игнатьева уверяла, что эта Элла была и осталась ее лучшей подругой.

Значит так: это ее глобус. Ей его подарила Элла. Пока шел дождь, Катя Игнатьева успела рассказать кучу увлекательных историй про глобус, про необыкновенную якобы Эллу, которая на самом деле является цыганской принцессой (я помню эту Эллу – белесая нелепая девочка с лошадиным лицом), и вдобавок про говорящего кота, который живет у Катиной тети в городе Орджоникидзе. Кот умел вязать крючком и на спицах. Достоверность всех этих фактов не вызвала у слушателей ни малейших сомнений.

Я стояла немая и ошарашенная – мою вещь-мечту украли. Причем украли так изящно, так хирургически точно, что ничего не поделаешь. Не сказать же: «Да там не было никакого глобуса, я наврала» – невозможно... Никто так не вожделеет разных вещей, как дети. У бедных зависимость от денег и от вещей гораздо сильнее, чем у богатых. Апофеоз вещизма – быт Робинзона Крузо.

«Винни-Пух»: опыты домашнего самопознания

Психопатологическое описание характеров «Винни-Пуха и Всех-всех- всех», выполненное Вадимом Рудневым в его книге «Винни-Пух и философия обыденного языка», производит на наивного читателя, каким я безусловно являюсь, оглушительное впечатление. Осел Иа-Иа агрессивен, казуистичен, страдает тяжелой эндогенной депрессией. Поросенок Пятачок – рефлексирующий психастеник. Тигра инфантилен и безответствен. Сова – шизоид, живущий в отвлеченном мире гармонии длинных слов. Кролик – авторитарный эпилептоид. Крошка Ру – воинствующий эгоцентрик. И вся эта орава психопатов живет внутри одной-единственной личности – меня.

Вдобавок уже много лет я не могу избавиться от навязчивой привычки искать во всех знакомых родовые черты пухов, кроликов и пяточков; сангвиники пухи попадаютя реже всех.

Мой маленький сынок Федор обычно дает мне роль Пятачка, а сам изображает Пуха. Уверена, ему нравится, что Пух как бы главный, лидер в этой паре. Я, конечно, не сопротивляюсь и говорю тонким поросеночьим голосом: «Ой, Винни, Винни!» В роли Пятачка есть, безусловно, что-то

женственное. Руднев, конечно, намекает на травестийность – бог ему судья.

Когда мне хочется на всех наскакать, я Тигра. Когда обращаю на себя внимание – Крошка Ру. Стремление обращать на себя внимание – это вообще детское свойство и свойство людей небольшого роста (комплекс Наполеона). Крошка Ру – Очень Маленькое Существо, отчасти страдающее от гиперопеки своей мамы Кенги, – вот он и выставляется. Я это очень хорошо понимаю. Но я рада, что мой старший сын Митя говорит, что я типичная Кенга. Значит, он все-таки воспринимает меня как нормальную мамашу. Я и правда физически чувствую, как во мне включается эта внутренняя Кенга: «Дорогой, обязательно позвони через полчаса. Ты не забыл взять с собой бутерброды?» Руднев пишет, что Кенга – это суперхарактер. Видимо, имеется в виду то, что Кенгова материнская сущность заполняет все внутриличностное пространство без остатка: «Выпей ложечку рыбьего жира, умоляю тебя, Ру, милый!» Посторонним чувствам и идеям тут просто не остается места. В жаргоне для этого есть гениальное, совершенно точное определение: «включить мамашу» – вот как это называется. А если «включить начальника» – так это Кролик. Авторитарный и суетливый Кролик постоянно живет с включенным начальником – по делу и не по делу. Он готов признать лидерство Кристофера Робина – как высшего существа, но непременно хочет доказать себе и всем, что он, Кролик, – единственный, на ко-

го Кристофер Робин может положиться. Кролик также склонен плести коварные и чрезвычайно замысловатые интриги (против Кенги, а потом против Тигры). Он борется за сферы влияния, устраняет соперников, заключает пакты с союзниками и выстраивает иерархии. При слове «корпорация» я представляю себе такую огромную кроличью колонию. И еще, конечно, при словах «коридоры власти» так и вижу, как Кролики шныряют по этим самым коридорам. И каждый воображает, что за его хвостом бежит целая толпа преданных ему Родственников и Знакомых – от тех, на которых вы случайно наступаете, до тех, которые могут случайно залететь к вам в глаз. Главное достоинство Кроликов, согласно Пуху, в том, что они говорят простыми короткими фразами – вроде «Угощайся!» или «Не пора ли закусить?». В сущности, это идеальные рекламные/политические слоганы. Никогда нельзя исключить, что кто-то из Кроликов (а вернее всего – сразу несколько) причисляет вас к своему электорату. Своего личного внутреннего Кролика я, кажется, придушила давным-давно. Я даже так счастливо устроилась в жизни, что очень мало имею дело с Кроликами. Гораздо сложнее избавиться от влияния Иа-Иа: внутри и снаружи. Это мрачное настроение. Эта постоянная уязвленность, навязывание окружающим чувства вины, эти муки обиженного самолюбия... А Пух в это время раздумывает, как лучше спеть: «Хорошо быть медведем, ура!» или «Хорошо быть медведем, ого!»... Дорогой Боженка, пожалуйста, сделай так, чтобы

мой внутренний Медведь хотя бы иногда побеждал моего внутреннего Ослика, а? Хотя бы в пятницу.

Внутренний мир

– см. КРАСОТА, ХОЛОДИЛЬНИК

Вобла и воблер

Открутить голову. Вырвать плавники и тщательно обсосать каждый. Содрать кожу и расчленить строго по схеме: спинка, ребра, хвост, хребет. Некоторые ценили икру, другим не нравилось, что она вязнет на зубах. Еще был пузырь – он годился на то, чтобы громко им хлопнуть. Или поджарить на спичках, чтобы он сплавился в нечто вроде жвачки с дымно-рыбным запахом...

Вообще рыбная сущность в ней была почти побеждена другими, более сильными субстанциями – солью, солнцем (ее ведь на солнце сушат? или в каких-то особых печах?). Поэтому воблу любили даже те, кто настоящую рыбу совсем не переносит. Дети, например. Вобла была ближе к черным сухарям и копченой колбасе, чем к какой-нибудь треске или судаку под польским соусом. Древесно-сухая, оглушительно соленая, почти что горькая, даже жгучая на языке. Ритуал ее очистки – с предварительным еще отбиванием. Отбивание воблы – чисто советский, непере译имый ни на какой язык жест. Им гордились, как гордились сорокаградусной водкой, Гагариным, Калашниковым и палехскими шкатулками. В отбивание воблы вкладывали все самое лучшее: молодечество, артистизм, почти что вольнодумство. В этом был размах: размахнулся – и вжарил по столу. Жест обаятельного хулигана, апаша. Вроде Волка из «Ну, погоди!»

И ритуал ее поглощения – откровенно чувственный, почти непристойный. В определенном смысле вобла замещала у нас несуществующих устриц.

Рис. 9а Чистку воблы обычно начинают с откручивания ГОЛОВЫ

Рис. 9б Некоторые предпочитают прежде вырвать плавники

Официально считается, что главное в вобле было – пиво. На самом деле ее любили и без пива. Падкие до острых вкусовых ощущений женщины и девушки. Непьющие пока дети. В одна тысяча девятьсот шестьдесят-семьдесят-восемьдесят таком-то году вобла была символом и синонимом праздника, пикника, дружеского или семейного единения. Немыслимо было взять и очистить, и сожрать воблу в одиночку. Ро-

дательский день в пионерском лагере: кустики, скатерки на траве, бутылки с квасом, разрезанные вдоль и натертые солью огурчики (что же мы столько соли-то ели?), нарядные редиски, крутые яйца, газетка с воблой. Лето, голубое небо, тебя любят.

Ходили легенды об умельцах дядях-Васях, сушивших воблу самостоятельно. Иногда этот деликатес даже предьявлялся – и кишел мерзейшими червями. Ходили страшные рассказы о вобле, выловленной в Москва-реке или в каком-нибудь из городских прудов, – химически неблагонадежной, радиоактивной, хорошо, если не о двух головах.

Неестественно жарким летом девяносто девятого года на подъезде к Люберцам мы видели человека. Он стоял на обочине плавающего Рязанского шоссе, овеваемый сизым дымом, вонючей пылью – мимо шли тяжелые грузовики, груженные стульями и досками «Жигули». В паре метров от трассы валялся здоровенный кусок бетона (балка? панель?). Я не знаю, как точно называются эти бетонные глыбы, но их очень много у нас. Наверное, везли куда-нибудь на стройку, обронили и забыли навсегда. Она слегка уже обросла сухой травой, как бы вошла в почву – если там была вообще почва. На этой бетонной байде, как на столе, мужичок расположил: маленькую бутылку водки, три бутылки мутно-теплого пива, немного черного хлеба и аккуратно разделанную воблину. Воскресенье, жара тридцать пять градусов. «Видишь, – сказал мой муж, – человек отдыхает».

В Москве открыли, говорят, пивной ресторан, где воблу подают вместе с чашей для омовения пальцев. Но вообще воблы в окружающей жизни как-то не стало. До такой степени, что даже невозможное слово «воблер» практически перестало резать слух. Воблер, если вам посчастливилось не знать, это такая рекламная штучка вроде бумажного флажка, его куда-нибудь подвешивают. Последняя... нет, предпоследняя моя встреча с воблой была на выставке зодчего Качанова, который вызолотил сушеных рыб краской из баллончика и подвесил на веревках. Соль шутки была в том, что выставку спонсировала фирма «Золотая рыбка» и, таким образом, золоченые воблы реально выполняли функцию воблеров. А последний раз мы встретились в продуктовом магазине – такие раньше у нас именовались «самообслуживание на углу», а теперь «небольшой супермаркет», что, в общем, оксюморон, но сказать «минимаркет» не поворачивается язык. Зашла я туда случайно, переждать дождь. И чудо, в магазине обнаружился кафетерий – чай с лимоном, теплые яблочные пирожки, застекленная веранда со столиками, Сюзанна Вега из колонок под потолком. Истинный оазис. Пользуясь случаем, я расположилась отдохнуть со всем возможным уютом и взяла читать меню – толстое, в коже, как в настоящем ресторане. Меню ничего особенного: салат «Столичный», салат «Весенний», пиво бут., пиво ж/б. Но был там раздел ни много ни мало «барные аксессуары». И в разделе «барные аксессуары» где-то между чипсами и сухариками со вкусом ди-

чи (тоже та еще дичь) обнаружилась позиции: «вобла, спинка», рублей за тридцать, и «вобла сушеная, полоски», на пару рублей дороже.

От собачьих кормушек и арестантских пайков до кремлевских спецзаказов, а потом «барного аксессуара» – пройти такой путь, и ведь меньше, чем за сто лет. Попробуй найди еще пример такой головокружительной карьеры.

Рис. 10 Вобла

Рис. 11 Воблер

Время

Самое приятное, что бывает весной: цветки мать-и-мачехи, окончание жуткой третьей четверти, верба, крашенные яйца.

Самое неприятное, что бывает весной: чудовищное количество собачьих какашек на земной поверхности, преждевременное окончание отопительного сезона и насильственный переход на летнее время.

В конце октября время тоже меняют. Но тогда это воспринимается почти как праздник. Во всяком случае, как поблажка: дарят лишний часик утреннего сна – самого, как известно, сладкого, самого драгоценного. Вечерний сон – он что: рутина, скучища, дань косной регулярности общественного устройства. Если и есть в дополуночном сне что-то увлекательное – только разве зыбкая грань между явью и грезой, сознанием и не-сознанием, дремотой и дремой, когда книжка выпадает из рук, а в голове закруживается туманность... Встряхнуться, разлепить глаза и опять уставиться в детектив, чтобы все повторилось. Только вот что плохо – первый вечерний сон, он еще и коварен. Спугнешь его – может и не вернуться чуть не до рассвета, и поспать останется всего ничего. А тут еще и это дурацкое новое время – отняли час сна. Утреннего сна! Который и так – ворованный воздух, медовая капля, младенческий лепестковый по-

целуй... Утром простынки – самые нежные, сновиденья – самые увлекательные, постель – такая безупречноудобная. И такого вот наслаждения нороят лишить. Ладно бы хоть родные, близкие, а то – государство.

Перевод времени делают уже много-много лет, и все-таки каждые полгода кто-то пытается обсуждать экономический смысл этой акции. Но, я думаю, смысл тут в основном политический. Государству надо же иногда показывать свою мощь. Помыкать гражданами – не фокус. Ландшафтом местности – гораздо интереснее («Что у нас здесь, гора? А ну-ка сроем эту гору. Осушим болота, засолим степь, высушим море, повернем реки!»). Но еще эффективнее демонстрировать силу, распоряжаясь такими вещами, как пространство и время. То есть, по сути, философскими категориями.

См. также ЖАВОРОНОК.

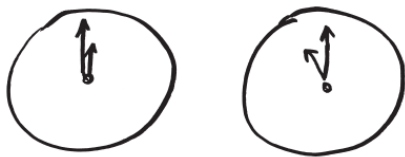

Рис. 12 Перевод времени

Гвоздь

Среди различных человеческих умений три проходят по разряду не простых бытовых навыков, а фактически добродетелей: «пожарить яичницу», «пришить пуговицу», «забить гвоздь». Как говаривал незабвенный Петр Иванович, который вел у нас в школе труд для мальчиков: «Вбить гвоздь – это, пацаны, главное мужское достоинство». Если забросить в поисковую систему словосочетание «мужское достоинство», вылезают ссылки на: пластическую хирургию, ныне действующую сторублевую купюру, женское одиночество, трусы с поролоновыми вставками, которые якобы надевает под сценический костюм Филипп Киркоров, что-то про удлиненные носки и много про галстуки. *Мужчина стоит того же, что и его галстук: это он сам, им он прикрывает свою сущность, в нем проявляется его дух*, – обзреватель рубрики «Шопинг» с упоением цитирует Бальзака. Под заголовком «*Тарзана лишили мужского достоинства*» идет захватывающая информация про то, как у стриптизера Тарзана в Турции украли кинжал за двести долларов. *Моряков лишают мужского достоинства*, – это по поводу того, что Военно-морской флот США вводит значительные ограничения на татуировки и полный запрет на *все посторонние объекты, вживленные в кожу или зубы в качестве украшений*. А в Москве вот недавно учредили общество «За мужское

достоинство». Согласно уставу оно «будет вести борьбу за здоровье российских мужчин, за повышение их детородных способностей и укрепление семьи. В частности, организация планирует сделать более доступной по цене для российского населения виагру».

Еще есть, оказывается, водка «Мужское достоинство», тульского производства. Чудный рекламный текст сообщает, что *уникальная формула и элегантное оформление рассчитаны на опытных и уверенных в своих силах мужчин, знающих толк в прозрачном напитке*. Выражается уверенность, что *почитатель «Мужского достоинства» наверняка обладает изысканным вкусом и предпочитает классический стиль*. *А небольшой пикантный сюрприз, задуманный дизайнерами компании, наверняка будет оценен знатоками, обладающими чувством юмора...* Так себе сюрпризик, доложу я вам. И, наконец, самое трогательное – «Магазины мужского достоинства»! Они торгуют лобзиками, рубанками, тримерами и прочими шуруповертами. Официальное название фирмы, впрочем, какое-то другое, а насчет «мужского достоинства» – это как бы рекламный слоган, продукт креативного мышления. У них там тоже остроумные люди работают, как я поняла. *«Дрели и болгарки – лучшие подарки!»*

Рис. 13 Гвозди и молоток

Я даже не удержалась и заехала в такой магазин, где торгуют инструментами, – без всякой особой цели, просто так. Дрели и болгарки действительно прекрасно выглядят. И пахнут хорошо – технической смазкой, чистым металлом. Встретила в магазине подружку свою, модного архитектора. Поворковали с ней немножко о том о сем. О разных видах строительного герметика. О дюбелях.

Женщинам, которые, как моя бабушка, хлебнули горя в войну, было важно вырастить дочерей принцессами. То есть: «пришить пуговицу» и «пожарить яичницу» – да, и даже более, чем просто да, вплоть до английской глади и воздушных кулебяк. Но «забить гвоздь» – нет, нет и нет. В системе координат этого поколения молоток в руке – знак вдовости,

женского одиночества, крайнего социального неблагополучия. Моя мама жила на стипендию в сорок рублей и неделями питалась бесплатным капустным салатом в университетской столовой, но сберегала два рубля на маникюр. Она до сих пор, кажется, не умеет открыть ножом консервную банку. А уж вынуть пробку из бутылки – просто исключено. Ни разу в жизни не видела у нее в руках ничего такого: штопора, отвертки, гаечного ключа. Если возникает какая-то техническая проблема (допустим, не хотят куда-то там вставляться батарейки), она говорит с интонацией сэра Исаака Ньютона: «Я знаю, что делать. Надо подождать мужчин!» Ни с чем не сравнимая беспомощность женщины, которой уже сорок лет «дождаться мужчину» приходится не больше нескольких часов – пока он придет с работы. И все ее подружки такие. Если они и способны вспороть банку «кижуча в собственном соку», то при любом случае пытаются это скрыть: «Подождем мужчин!»

Зато они очень-очень любят видеть молоток в руках своего мужчины. Или там дрель с болгаркой. Вызов платного специалиста (при живом-то муже) кажется им и нерациональным, и даже вроде как унижительным.

Пару лет назад некие остроумцы придумали фирму «Муж на час» (услуги по мелкому домашнему ремонту). Успех – феерический, настоящий маркетинговый прорыв. Даже устоялся термин «муж на час», именно в значении «приходящий мастер». Такая элементарная двусмысленность все-

гда почему-то работает.

А водка «Мужское достоинство», мне кажется, не срабатывает, нет. Просто даже хочется, чтобы не сработала, чтобы народ-богоносец ее не принял. Потому что водка – это дело серьезное, при чем здесь хиханьки-хаханьки, пикантные сюрпризы. И дюбеля с дрелями – тоже вполне серьезный предмет, мы с подружками к ним очень трепетно относимся. А что касается мужского достоинства, мне кажется, его вообще лучше всуе не упоминать.

Голоса

Мой любимый писатель Михаил Иванов (немного людей кроме меня читали Михаила Иванова и его роман «Банан», но неважно) запротоколировал простую вещь: в определенном возрасте людям все менее интересно говорить друг с другом. Они, фактически, говорят сами с собой, изредка радуясь, когда слышат от других подтверждение собственных мыслей.

Город наполнен голосами. Все это по большей части чужие голоса – не так уж часто мы слышим нечто, обращенное лично к нам; нечто, на что нам нужно ответить. Из всех мегатысяч организованных децибел, которые за день попадают к нам в уши, этих осмысленных, действительно нам предназначенных – не больше одного процента. Даже если считать такие вещи, как бормотание стиральной машины, которая как бы сообщает: «все нормально, я стираю, пошла на отжим» – милый домашний звук. А из окна тебе: скккrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrжжж – скалывают лед. Бамммбс – с крыши упала сосулька. Упррссссссссссскрж – мусоровозка со скрежетом ворочает железные баки. Уауаиуаиуаи – запыла сигнализация чьего-то опеля. «Москау, москау...» – мимо проехал кто-то, у кого сегодня отличное настроение и у кого в машине играет радио «Ретро». Мне надоедает слушать чужие звуки, я ставлю диск с песнями из «Жизнь как чу-

до». Бумбокс стоит на подоконнике, под открытой форточкой. Теперь мои соседи тоже знают, что я люблю Кустурицу.

А они любят Юрия Антонова – я это тоже очень хорошо знаю.

А еще у них ремонт, окна меняют. Это я знаю еще лучше.

А еще – у них собачка очень гавкучая.

Когда я дома долго одна, я иногда включаю телевизор – он тархтит и создает какой-то привычный фон из звуков. Я на них не фиксируюсь. Когда приходит кто-то из домашних, они первым делом переключают телевизор на другую программу, или выключают его, или ставят какой-то свой фильм. Иногда они ссорятся из-за этого, потому что не хотят смотреть «чужой» телевизор. Мне все равно.

Но я все-таки замечаю, что «чужой» телевизор всегда хочется сделать потише. Я знаю дома, в которых стоит по телевизору в каждой комнате, как в гостинице. Казалось бы, это признак какой-то последней разобщенности – но нет, живут вполне мирно, даже душа в душу. Даже иногда дружней, чем в домах, где телевизор по старинке считается неким заменителем условного камина, средоточием общего семейного досуга вокруг домашнего очага. Что-то такое говорил почтальон Печкин.

Еще – чужие разговоры, и телефонные, и прочие. Мы их редко запоминаем, потому что они, как правило, не слишком интересные. Но иногда, бывает, отдельные фразы впиваются в мозг так, что их потом оттуда не выдернешь.

«Да я сейчас пешком иду, да. Везде пешком хожу, вот. А потому что у меня машина сгорела, голубка моя! На Волоколамке – взяла и сгорела!» – худой седоватый мужик со странной, какой-то пляшущей походкой то обгонял меня на Тверской, то отставал и опять обгонял и, видимо, все время разным своим собеседникам кричал, что голубка сгорела! на Волоколамке! У него был телефон без трубки, он держал руки в карманах и кричал в микрофончик, и от этого казался сумасшедшим, который беседует сам с собой. (Все-таки к этим беструбочным телефонам невозможно привыкнуть. Хотя, казалось бы, какая разница – трубка или наушник-микрофончик. Но традиционная трубка, поднесенная к уху, хоть как-то оправдывает, очеловечивает эти мобильные переговоры на ходу.)

А недавно я утром целый час ждала подругу в пустом кафе, и весь этот час слушала, как красивая кудрявая девушка за соседним столиком дает подробный отчет своему брату о том, как у нее продвигается развод с мужем. Брат, судя по всему, находился в Америке, а муж был, естественно, подлец, он как-то нечестно хотел разделить с ней квартиру, в которую она «столько вложила, столько вложила!», и в кафе, кроме нас с ней, никого не было, и мы с официантками очень скоро стали переглядываться и чувствовали себя участниками какого-то ток-шоу, какие бывают днем по телевизору. Мне казалось, что одна из официанток, блондиночка с круглым лицом, с трудом сдерживается, чтобы не подключиться

и не высказать какое-то свое мнение, например: «Я согласна с героиней программы! Все мужчины подлецы!» Кудрявая девушка была в совершенном аффекте и вещала на предельной громкости. Это часто бывает: человеку, когда он поглощен телефонным разговором, кажется, что он находится как бы в прозрачной, но звуконепроницаемой телефонной кабине или капсуле.

В чужих машинах (я часто ловлю частников) я слышала самые немислимые, самые интимные признания. При том, что я-то всегда молчу, не задаю никаких вопросов. Мне кажется, некоторые только для этого и берут пассажиров – чтобы выговориться. Многие не брали с меня денег, но учили жизни: «Вот вы одна так поздно едете – а что же муж? Пришел домой, а ему и ужин не накрыли? Нет, я считаю, главное для женщины – это семья...»

Многие не выносят этот белый шум: закрывают уши наушниками, слушают музыку в плеере или кассеты с уроками итальянского языка – что угодно, но по собственному выбору. Есть, говорят, проект сделать метро бесшумным. Боюсь, это будет сущий ад.

Грязь

Деревянные дома. Топка углем. Сено, солома. Молоко из-под коровки. Навоз на полях. Нечистоты на улицах средневековых городов... До самых недавних, в сущности, времен в мире абсолютно преобладала органическая химия. Сейчас – несложно заметить – настало время химии неорганической. В то же время смысловые наполнения слов «химия», «грязь», «чистота», «мусор» находятся в состоянии странной и многозначительной мутации.

Я была знакома с гринписовцем, шведом – он носил все натуральное. Усы, бороду, шерсть, кожу, хлопок. Никакой синтетики – таков был его принцип. Коллеги по «Гринпису» над ним издевались.

– А ну-ка, – говорили, – снимай очки! У них дужки пластмассовые.

– Да ты понимаешь хоть, – говорили, – что в процессе производства твоих ботинок с подошвой из свиньи, черт его знает, сколько рек отравили вонючими отходами. А синтетика – дело чистое.

Мне однажды пришлось жить рядом с фабрикой, где делали хлопковые ткани, – там чудовищно воняло каким-то укусом. А прошлым летом я проезжала мимо пивного завода Efes рядом с Бутовым – и с тех пор больше не пью пиво. Хотя хлопок, честно говоря, все равно ношу. Но без фанатизма –

микрофибра, на самом деле, лучше дышит.

Но только синтетика все равно выглядит синтетикой. Как говорила моя бабушка про эластичные колготки: «химия на тугой резиночке!»

А в утренней передаче одна актриса (амплуа «умница») рассуждала про литературу и сказала, что Уолш, Уэльбек и Пелевин – химия. Я сразу подумала: «На тугой резиночке, что ли? Или не на тугой?»

– В нашей компании принято носить одежду из натуральных волокон! – заявила моя бывшая одноклассница, ныне менеджер по персоналу московского представительства британской консалтинговой фирмы. Увидела на мне что-то лайкровое и уличила.

– Одежда из натуральных волокон выглядит гигиенично, экологично и корректно! Но это не относится к меху. Меховой одежды лучше избегать. Она выглядит неэкологично, некорректно и варварски. Да и – чуть не забыла! – негигиенично! В общем: не по-западному!

Мех – это слишком органично, да. Чем «западнее» цивилизация, тем дальше она продвинулась по пути от органики к неорганике. Крайняя точка тут, видимо, мифологема Силиконовой долины. Виртуальность – вот практически абсолютная, идеальная чистота...

Знаете что? Я ненавижу чистоту. Грязь я тоже недолюбиваю, но чистоту ненавижу. Чистоту символизируют: дезодоранты, фашизм и нейтронная бомба. Ладно, не чистоту (да-

вайте все-таки будем считать, что чистота – это неплохо) – стерильность. Они символизируют стерильность. Фашизм: уничтожим всех уродов. Нейтронная бомба: уничтожим всю органику. А дезодоранты... Вообще отвратительная вещь. Дезодоранты не имеют никакого отношения к чистоте, они из сферы стерильности, потому что уничтожают не грязь, а запах, то есть феромоны. То есть, в общем, – жизнь.

Мир Востока все еще органичен, он воняет и одновременно благоухает: специями, ароматическими эссенциями, кальяном. Западный мир стремится к стерильности и если благоухает, то химией. В бутике Le Form продают духи с феромонами – с молекулами секретных выделений. Западные женщины разучились привлекательно потеть. И западные мужчины тоже. Духи с феромонами страшно дорого стоят, одна моя знакомая на них разорилась, потому что наметила себе цель – в ближайшие два года выйти замуж, а для этого должен быть большой выбор мужчин. Мужчина, говорят, идет на феромон как щука на блесну. Она приходит на работу, и через полчаса вокруг нее вьются все офисные девушки. «Ир, а ты сегодня феромонами надушилась, да? – Ну, да. – Ир, а... скажи... они у тебя с собой? – Нет, дома оставила. – Ир, а можно я об тебя потрусь?..»

Запад пытается взять у Востока все лучшее из его органики: соус карри, ароматические палочки. Простая ваниль пахнет несравнимо лучше, чем духи из флаконов с логотипами, но она преступно дешево стоит, и приходится изводить

тонны глянцевої бумаги, чтобы убедить покупать логотипы. Но главное – парадокс мусора. В бедных странах, какими по инерции считаются Юг и Восток, может быть полно грязи, всяких рыбьих голов, но мусора мало, потому что все идет в дело: дощечка, щепочка, тряпочка. Из половинок кокосовой скорлупы и морских ракушек можно сделать лифчики для туристок, из коробок – построить бунгало. Каждую крошку – в ладошку. У нас так было – при социализме. Из молочных треугольных пакетов мастерили кормушки для птиц. А уж «импортные» баночки и коробочки просто хранили дома, как ценные сувениры.

Чем богаче страна, тем больше в ней мусора – этих самых упаковок. Почему Москва сейчас задыхается от мусора и развороченных помоек? Потому что она, с одной стороны, превратилась в богатый западный город с супермаркетами, а с другой – еще как бы не поняла того факта, что чистота входит в понятие западного уровня комфорта. Как плевали на асфальт, так и плюют – в Китае-то уже нет. Новые серийные дома по-прежнему строят с мусоропроводом – этим поистине адским изобретением социализма. Но все-таки кое-кто уже покупает мешки для мусора – могло ли раньше это прийти в голову. Во вторник была в ИКЕА, купила шесть предметов, и все в отделе «Аккуратный дом». Коробки. Вещи, чтобы хранить в них другие вещи. Которые не решаюсь выкинуть.

Как все это уныло.

Дача

Если в городские квартиры (а также коттеджи и загородные дома) покупаются вещи, то дачи наполнены истинными артефактами. Крайне редко что-то приезжает сюда из магазина, обычно вещи для дачи не приобретают – их сюда ссылают. Сначала выдерживают на балконе (это уже наполовину как бы не-помещение), потом этапируют за город. Последнее прибежище – дачный сарай, где десятилетиями хранятся вовсе ни с чем уже не сообразные ржавые раковины и кастрюли; но в успешном случае предмет оседает собственно в доме, и это – надолго. Подсвечник в виде рогов. Пять монгольских гипсовых масок с черепами. Пластмассовый веер с оплавленным капроновым кружевцем, драгоценная семейная фотография в рамке из фальшивой бронзы, осыпающаяся оленья шкурка, календарь за 1978 год с подмигивающей японкой, громоздкая деревянная хрень непонятного назначения – сувенир из Болгарии. Переплетенные в картон романы Ирины Грековой и Даниила Гранина из журнала «Октябрь», собрание сочинений писателя по имени Алоизий Ирасек, образцы кристаллов – кварцы и сланцы. Вымпел «Победитель Универсиады». Электрический камин с искусственными угольями: вилка на шнуре давно разболталась, но можно ведь починить...

Такие вот фарфоровые клоуны продаются в любом пере-

ходе, но именно этот клоун – он еще бабушкин. И деревянный орел «Привет с Кавказа» стоял у бабушки на комод, тем и дорог. А вот клеенку с лебедями – ее купили прошлым летом у тетки, к которой ходили за яйцами. Десятку отдали. Клеенка у нее в курятнике валялась, пришлось от помета отмывать. А вещь-то отличная, настоящий раннесоветский рыночный китч – мы понимаем (см. ИСКУССТВО В ДОМЕ).

Если интерьеры загородных домов и коттеджей – это нечто из журналов и каталогов, то шестисоточный стихийный стиль воспроизводит сам себя. Полугородской, полудеревенский, полупролетарский, полуинтеллигентский. Менее всего крестьянский, очень советский и довольно убогий... но все-таки чем-то приятный – искренний. Поселковый.

Пожив на даче хоть месяцок, кандидаты естественных наук и завкафедрами теряют свою идентичность, превращаясь в дачников – людей с поселковой психологией. Суть ее выражается народной формулой «чтобы не было стыдно». Перед кем – перед своими. Перед соседями.

Если в богатых, как их иногда до сих пор еще называют, «новорусских» поселках это «перед соседями» выражается явно и зримо, иногда даже по-новоришески грубо, то на «шестисотках» – невероятно трогательно. Аккуратный штакетник вокруг участка. Дорожки, обложенные ровными кусками рубероида.

Рис. 14 Линию горизонта можно увидеть далеко не везде

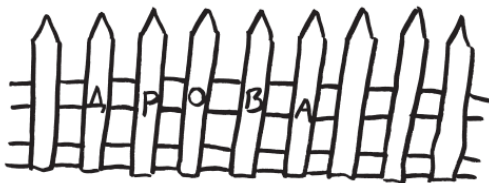

Рис. 15 Дачный забор-штакетник. Рядом, как правило, растут: шиповник, жасмин, желтая акация

Рядом с картофельными грядками изысканные купы лилий, и по сетке-рабице, прикрывающей компостную яму, выются шпалерные розы – редкого сорта, редкой красоты. Любовно обихоженный уголок для машины – в воскресенье утром машину моют и немножко чинят, так уж заведено.

Очень приняты соседские подношения: стакан смородины, банка малосольных огурцов, кабачок.

На «шестисотках» живут необыкновенно деятельные и трудолюбивые люди. Валяться весь день в гамаке среди некошенной травы тут не получается. Даже выпивают – и то втихую, в сарайчике, в перерывах между пересаживанием кустов смородины. «Жить на земле и не возделывать ее – преступление».

Легких путей не ищут: упорно выращивают, например, помидоры, хотя их из год в год поражает черная гниль. Упорно давят сок из облепихи и даже пытаются самостоятельно делать облепиховое масло: «целебнейшая вещь, средство от всех болезней». Воду для питья носят из родника или колодца, фильтруют, замораживают в морозилке, потом размораживают, чтобы на вкус была как талая. Жарят на завтрак сотни оладий – в крошечной кухоньке, на электроплитке. Консервируют по рецептам, выращивают по книжкам, грибы определяют по таблицам. *Свинушка: произрастает на опушке лиственного леса; пластинчатый; условно съедобный.* Перебирают, чистят, вымачивают, вываривают, сливают семь вод. Ловят в пруду плотвиц и пускают их в банку «поплавать». Переживают, что кроты портят грядки: «Но если поставим ловушку, у ребенка будет травма».

Рис. 16 Цветок жасмина

Рис. 17 Число лепестков шиповника/дикой розы кратно пяти

Те, кто постарше, бессознательно имитируют деревенский уклад своего детства: где-нибудь под Серпуховом, до войны. Например, кормят своих пуделей и боксеров, как задавали корм поросенку, – варят килограммами кашу, сливают воду из-под макарон. Как на убой.

Весь дачный быт вертится вокруг, во-первых, еды, а во-вторых, погоды. Под погодой имеется в виду сложная совокупность обстоятельств от (отсутствия) нужды в поливе грядок до отключения электричества на линии...

И среди всей этой созидательной, муравьиной суеты едва слышно звенят до предела натянутые струны. Потому что подростки живут на этих «шестисотках» теми же страстями, что и молодые герои Достоевского в своем Павловске, и заброшенная котельная на краю поселка – центр настоящей светской жизни. А в солнечных зайчиках, среди кабачков, тимopheевки, лопухов и бузины, детишки запасают счастья на всю последующую жизнь.

Рис. 18 Цветки желтой акации съедобны. Из стручка можно сделать свистульку

Деликатесы

«Разъяренная толпа разгромила магазин “Деликатесы” на Ленинском проспекте, неподалеку от площади Гагарина», – сообщение двенадцатилетней давности, из ужасной осени 1993.

– Знаешь, разъяренную толпу можно понять, – меланхолично заметил тогда мой друг, эстет и умница, рожденный с трагической неспособностью ездить в метро или купить кусок хлеба в магазине. – Одно название чего стоит – «Деликатесы». Сами спровоцировали.

Слово «деликатесы» относится к таким, что на вывесках встречается чаще, чем в устной речи. Никто не скажет «давай поедим деликатесов» или «хочется какого-то деликатеса» (как никто никогда не говорит «бакалея», или «конфекция», или «абонент»). Есть слово «вкусное». А «деликатесы» не слово, а именно что понятие. Хотя – богатое. Вспомнить хоть одноименный французский фильм (где деликатесом являлась, само собой, свежая человечинка). Или мое любимое, в мультфильме «Король Лев», когда суслик Тимон и кабан Пумба учат львенка Симбу есть слизняков: «На вкус как курятина. Сколькие, но сытные! Настоящий деликатес». Сколькие, но сытные – это можно сказать о доброй половине признанных деликатесов. А можно так: скользкие, но дорогие. Вонючие, но легендарные. Странные на вкус, но ис-

ключительно полезные.

Осенью 2004 года в Москве на Тверской-Ямской открыли магазин Fauchon, из знаменитой сети гастрономических бутиков. Я пропустила открытие и только вчера наконец туда зашла. Я даже готовилась к этому событию – надела красивые резиновые сапоги, подкопила денег, просмотрела прессу. Почему-то все пишут, что прямо на пороге посетителя встречает аромат свежесдобитого хлеба, круассанов. На самом деле было так: два ливрейных человека с необыкновенным для нашего города радушием распахнули перед нами с подружкой стеклянную дверь (подруга по случаю похода в такое торжественное место тоже принарядилась), третий ливрейный человек поднялся из-за стойки, чтобы открыть еще одну дверь, и тут пахнуло очень подозрительным запахом.

– Нет, нет, все нормально! – зашептала моя опытная подруга, она ресторанный критик и постоянно ездит то в Италию, то во Францию, то еще в какие-нибудь богатые на кулинарные впечатления места. – Это пахнет деликатесами! Пармская ветчина, прошутто, хамон. Так должно быть. Это в обычных супермаркетах хлеб пекут прямо в зале, чтобы вызвать у покупателя чувство голода и потребительский ажиотаж. А тут видишь, – она показала на стойки с окороками.

Запах сразу перестал казаться отвратительным, наоборот. Подруга даже объяснила мне, что запаха маловато.

– Смотри, я его чувствую вот отсюда! – она встала на пол-

шага от витрины с мягкими плесневелыми сырами. – А во Франции я бы его почувствовала вот оттуда! – и она отодвинулась шага на четыре.

Понятно.

За прилавком с окороками стоял юный гигант в профессорских очках без оправы. У него был такой холеный и интеллигентный вид, что я сразу заробела. Но потом увидела, что на втором продавце, обычной внешности, надеты абсолютно такие же очки, смекнула, что это у них вроде униформы, и осмелела. «А вот это что, – говорю, – у вас такое?»

Оказалось – куски зажаренной баранины. Сразу с огня они были, я думаю, прекрасны, но в витрине выглядели слегка застывшими.

– Откуда мясо? – бескомпромиссно спросила я.

– Из Новой Зеландии, – еще более бескомпромиссно ответил продавец и попытался продолжить обзорную экскурсию по своим владениям: вот террин из косули, а вот салат из омаров, исключительно деликатесно.

– Как это, из Новой Зеландии? А разве концепцией Fauchon не являются строгие требования к географическому происхождению продуктов?

Возможно, я слегка запуталась в терминах, но мне действительно объясняли, что в парижском Fauchon с этим очень строго: все заказывают на определенных фермах, привозят самое свежее. И за тем, как выращивались продукты, очень следят.

– Концепцией Fauchon являются самые высокие требования к качеству товаров независимо от страны происхождения! – приструнил продавец.

Ну, тут, конечно, не возразишь. В погоне за местными деликатесами надо ехать, наверное, на рынок в деревню Жуковка, Рублевское шоссе. Тем более что пирожки с капустой там идут по доллар/штука – вполне сравнимо с Fauchon. Впрочем, только что мне сказали, что я отстала от жизни и пирожков по доллару на Рублевке давным-давно не найдешь. Но ведь и в Fauchon эти их знаменитые эклеры с апельсиновым кремом, облитые апельсиновой же глазурью, стоят 5 единиц условности, как выражаются самые стильные журналисты. А единица условности там вчера равнялась 37 рублям, что существенно больше не только доллара, но и евро. Видимо, этим можно объяснить то, что мы с подругой – ресторанным критиком бродили среди банок с паштетами и спаржами в полном одиночестве.

– Ну, ты же везде была, все знаешь. Дай мне свои компетентные комментарии! – попросила я.

– Японский бог. Какие цены! – отреагировала моя изысканная подруга, застыв перед бутылкой минеральной воды за 14 единиц.

День рождения

Пока детям нет еще года, день рожденья у них отмечают каждый месяц, и это прекрасные дни рожденья. Младенец сидит себе на полу, играет какой-нибудь занимательной картонкой из-под яиц и пускает пузыри, а его маме дарят цветы, чулки и пудреницы: день рожденья младенца считается праздником той, которая его родила. А потом уж – нет. Потом ребенок сам по себе. Только самые верные подруги звонят и поздравляют «с рождением мальчика».

Самые правильные дни рожденья бывают лет до девяти. Апофеоз: между шкафами натягивают веревку, к ней подвешивают игрушки, дети подходят по очереди и их срезают. Да, чуть не забыла – глаза у них при этом завязаны. Кому-то достанется машинка, кому-то пластмассовая заколка или елочная сосулька... Ну, еще жмурки, конечно, прятки. Рассказывание анекдотов по кругу, трогательным почерком подписанные открытки: «Желаю тебе хорошо учиться, никогда не болеть, слушаться маму и Надежду Петрововну». Девочкам такие праздники нравятся больше, чем мальчикам.

Самые странные дни рожденья – у подростков, старшеклассников. Родителям очень сложно понять, как им поступить. Одним полушарием мозга они отчетливо понимают, что лучше бы просто дать человеку некоторое количество денег, а самим уехать куда-нибудь на дачу. Или уйти в кино

на все сеансы. Но другое полушарие подает тревожные сигналы: «Как бы чего не вышло...» Опять-таки ребенок заявляет, что он не будет никого приглашать, а просто встретится кое с кем, днем «немного погуляем и разведемся по домам». Потом он звонит на мобильный и сообщает, что «я тут дома и со мной еще пара человек». Этот звонок застаёт родителей уже на лестнице: они встретились с друзьями, заехали в магазин и теперь возвращаются домой – с вином, тортом, сыром и гигантской охлажденной форелью, увернутой в целлофан. А в квартире, как выясняется, полкласса – человек пятнадцать. Ситуация, в общем, дурацкая.

Пытаясь оправдать свое присутствие, взрослые начинают суетиться: жарить сосиски, восхищаться детскими пирсингами, косичками и татуировками, попутно заклиная никогда ничего не прокалывать грязными английскими булавками:

– Отец поэта Маяковского угололся ржавой булавкой и умер от заражения крови.

– Да что вы, тетя Катя, какие булавки. Там специальные иглы, одноразовые. Я полшколе все проколола. Языки, пупки, брови. Совсем не больно. У меня рука твердая. Хотите, вам прокалю.

Девочки досматривают мультфильм «Ледниковый период» и уходят – сегодня еще другой день рожденья, у кого-то из 11-го класса. Мальчики продолжают играть в компьютерную игру. Включают какую-то дикую, депрессивную музыку.

холодильник – посмотреть на форель.

– У меня плохие предчувствия. Ее надо приготовить. Срочно. Она не доживет до утра. Она погибнет. Стухнет, если вы меня понимаете. Мне не нравятся ее глаза! Я готов заняться этой рыбой...

– Давай! – хозяйка дома уже так скисла от смеха и вина, что просто лежит на полу и явно не готова заниматься форелью.

Все играют в «Эрудит», ей удалось составить слово *pena* и это отняло все силы.

– Давай отрежь ей голову! Только у нас ножи тупые!

Остальные тоже переместились на пол – поближе к железной дороге и коробкам с играми. «Куча-мала» прекрасно развивает мелкую моторику пальцев, что, в свою очередь, исключительно полезно для развития речи. «Эрудит» – лучшая в мире игра в слова.

На доске слова: *приднхи, тз, пбоюд*. Кто-то составил: *якозёл*.

– Смотри, тут наверху свободная *л*, можешь поставить просто *козёл*.

– Нет, – говорит. – Я хочу так. Потому что это правда.

Кто-то подставляет: *иякозёл*. Такие прекрасные, уютные люди.

– Алё, иди к нам! – кричат имениннику. – Посиди с рабочими!

Он вздыхает. Приходит. На лице выражение, типа: «Глу-

пы не по годам». Или так: «Страмотааа!»

– Мама, – говорит, – я тебя прошу. Делай что хочешь, только не изображай плащеносную ящерицу. И не пой про «Я – Земля, я своих провожаю питомцев!». Очень тебя прошу. Только не это. В честь моего дня рождения!

Домашние животные

Городские жители заводят домашних любимцев с тремя основными целями: 1) интерьер и экстерьер; 2) некая польза; 3) чтобы было кого любить и о ком заботиться.

Пункт № 3 оправдывает себя – хотя и очень отчасти. Пункты №№ 1 и 2 – почти никогда; и все об этом, в общем-то, знают. Однако страсть подселать себе под бок странных и бессловесных созданий, эта страсть сильнее всяких доводов рассудка. Объяснений такому явлению много: в основном из области того, что Фрейд называл замещением. И еще: домашние питомцы дают массу поводов для рассказывания всяких историй.

Подозреваю, что для этого их и заводят: с целью номер 4 – поговорить. Обсуждение нравов пуделей, канареек и морских свинок не рассматривается по разряду сплетен, так что все дозволено.

– Мы-то считали нашу Кешу мальчиком. И, представьте, в одно прекрасное утро обнаружили, что она снесла яйцо! Такая глупая: катает яйцо по клетке и не знает, что с ним делать. Ну, тут уж стало ясно, что говорить она никогда не научится.

Не менее пятнадцати человек в разное время порывались поведать мне подробности, касающиеся кастрации их котов. И это им удавалось – несмотря на все протесты и заверения,

что я терпеть не могу ни кошек, ни хирургии, ни, особенно, насчет кастрации. Подозреваю, мое отвращение даже входило в изначальный сценарий беседы и доставляло рассказчику дополнительное удовольствие. Другой тип сценария: «А вот как наш Барсик забавно себя вел, когда мы привели его к невесте», – ну, это обычно еще ничего, пережить можно.

А одна молодая женщина, с которой я когда-то вместе работала, завела себе курицу. Она жила у нее в кухне, под раковиной. «Зачем тебе курица?» – все у нее спрашивали. А она отвечала: «Чтобы было с кем поговорить». Когда через пару месяцев она сообщила, что разводится с мужем, никто ни капельки не удивился.

Не собаку завела, не скворца, не попугая – безмозглую курицу... А в общем-то, здесь есть логика. Высокоорганизованные создания – они своенравны. Они могут и возразить. Курица – нет, не возражает. Может, этим и объясняется тот поразительный факт, что многие люди предпочитают всем домашним любимцам такое создание, как черепаха. Что такое черепаха – камень, в сущности, не более чем камень. Это только в книжках с картинками черепахи милые и похожи на человеческих старушек, – на самом деле черепаха представляет из себя плоский камень с когтистыми мерзкими ногами и змеиной головкой. Я знаю, о чем говорю, у меня была некая Чапа – ужас моей жизни с семи до девяти лет. Я боялась взять ее в руки. Она производила тонны, буквально тонны омерзительного навоза. Я подпихивала ее на даче под

соседский забор, три дня и три ночи кисла от ужасающего чувства вины, а потом натыкалась на эту тварь в двух шагах от нашего крыльца. Если бы не Чапа, я, уверена, выросла бы гораздо более светлым человеком.

А мой друг Митя Волчек уверяет, что его черепаха понимает сербскохорватский язык. Якобы когда из телевизора доносится сербскохорватская речь, Манюня целеустремленно прицарапывается из своей комнаты и замирает перед экраном. А когда сюжет про Югославию заканчивается, сразу теряет интерес и уползает к себе.

(То есть свою функцию Манюня честно выполнила: создала сюжет и историю.)

У меня нет никакого pet, но мне тоже хочется рассказать какую-нибудь pet-story. Придется брать чужое. Я бы взяла игуану – две самые поразительные, каждая в своем роде, «истории из жизни домашних любимцев» связаны именно с игуанами.

Одна жила у того же Волчека, в Праге, ее звали Тотошей. Мне как-то довелось неделю быть ответственной за кормление Манюни и Тотоши, это было ужасно. Они почти совсем не ели, я только заменяла увядший салат свежим. Было неприятное опасение, что обе решили коварно помереть до приезда хозяина. Они не только не ели, не пили, но даже и не двигались. Манюня замерла под кроватью, Тотоша, почти не меняя положения, висела на жалюзи.

Потом уже выяснилось, что игуане клинически не хватало

солнечного света. На почве соляного голодания у несчастной Тотоши развился рахит и жуткий остеопороз, она в одночасье переломала себе все лапы, сколько их там у игуан. Лошадей в таких случаях пристреливают, а Тотоше в ветеринарной клинике наложили гипс и подвесили ее на растяжках. Она, видимо, ужасно страдала, была злая, как собака. Подлечив, ее решили продать.

Еще из моих знакомых владелицей игуаны была Линор Горалик. У ее игуаны с солнцем было все неплохо – она жила в Израиле. Но у ее хозяйки было плохо с деньгами, и она кормила свою игуану не фруктами, а всяким отстоем вроде помидоров, причем не лучшего качества. Игуана умерла. В зоомагазине по этому поводу сказали: «Ничего удивительного. Мы так и подумали сразу, что она у вас умрет: она же у вас была первая. Первые игуаны всегда умирают».

Закон довольно универсальный: в каждом деле бывает своя «первая игуана». Я свои неудачные попытки теперь только так и называю.

Вот она, функция домашних животных № 5 – они жертвы. Пробные экземпляры. Подопытные кролики для человеческих привязанностей, чувств и претензий. И ведь от них требуют еще знаете чего – благодарности и ответной нежности. Уверены, что они на это способны и обязаны дать. И морские, мол, свинки любить умеют...

Достоевский Ф. М

Почему-то считается, что в его книгах люди никогда не едят. Это совершенная неправда. В «Подростке» постоянно едят. В «Идиоте» есть чудесное описание завтрака сестер Епанчиных. (Девушки эти отличались хорошим здоровьем, великолепными плечами и отменным аппетитом; у них повелось кушать на завтрак не только котлеты и прочее, но даже и крепкий бульон...) Здесь нежнейший юмор, прямо пушистый, «Идиот» вообще написан величайшим именно юмористическим писателем. История про то, как Коля с другом пошли покупать учебник истории, но вместо того купили у мужика топор и ежа, и Аглая послала этого ежа в корзинке князю, причем с запиской «в знак моего глубочайшего уважения», – это абсолютно в духе Марка Твена, у которого мальчишки меняют серединку яблока на дохлую крысу или алебастровый шарик.

Евродоска

Сто пятьдесят лет назад Горбачев высказал два лозунга: даешь перестройку и даешь вхождение в общеевропейский дом. Слова оказались и судьбоносными, и ключевыми. С тех пор народ наш все перестраивается и перестраивается, все строится и строится, все обустроивается и обустроивается, никак не может остановиться. Долой тоталитаризм, да здравствует свободная планировка! Великая идея вхождения в общеевропейский дом вкупе с красивой идеей перестройки породили мощное явление российского евроремонта.

Все перестраиваются, все. Нон-стоп. Стоит выехать на любую окраину, сразу начинается: «Стройматериалы Склад», «Брус Доска», «Мир Обоев», «Дом Потолка», «Жидкие Гвозди», «Сухая Смесь Здесь». Да в центре – что ни дом, то дизайн-бюро, студия элитной керамики, итальянская сантехника по каталогам, встроенные кухни под заказ. Как будто вечная весна, вечный предбрачный период (или брачный? Запуталась). В общем, каждая птица вьет гнездо, и в каждом гнезде Элитные Жидкие Гвозди.

Забавно было бы составить летопись великого и поэтапного вхождения страны в евроремонт. Не по дизайнерским журналам, а по живой истории нашего быта. Ведь наши представления о Европейской Красоте, они более или менее параллельно развивались. Сейчас вот минимализм у всех ху-

до-бедно параллельненько отходит. А то помните, все были арки, арки. Золотистенькая фурнитура на всех местах – в пандан пуговицам на пиджаках. Белые крашенные стены взамен пропахших щами и тоталитаризмом бабушкиных обоев в цветочек...

В начале девяностых многие вдруг решили заделаться дизайнерами. Один мой одноклассник ездил за границу и при всякой нечаянной возможности фотографировал туалеты в кафе, банковские офисы, барные стойки, прихожие жилых помещений. Потом на родине воплощал, как мог. До сих пор, кстати, эту ниву пашет, и успешней многих. Главное – он умеет работать с клиентом, находить с клиентом общий язык. Без всяких там фиглей-миглей вроде «композиции» и «гармонии». Просто – дадим шика! И – дадим красоты!

Клиент евроремонта, он ведь удивительное, отдельное существо. Он любит чего: чтобы все было солидно, богато, а главное – аккуратно. Например, выравнивание стен. Выравнивание так выравнивание – без полумер и компромиссов. Это ничего, что комнаты в результате выравнивания станут в полтора раза меньше и в двери не протиснешься. Главное, чтобы было ровно! При сдаче-приемке объекта устанавливается отвес. И в щель между стеной и отвесом засовываются стодолларовые бумажки. Сколько влезет бумажек – столько и вычитается потом из вознаграждения несчастных украинских строителей. Поэтому они теперь если слышат про выравнивание стен, сразу начинают конвульсивно подергивать-

ся и говорят, что возьмутся за работу только при условии, что на стены пойдут немецкие флизелиновые обои под покраску, и обязательно с крупными пупырями. Под пупыри можно выводить не так скрупулезно. Пупыри, они скрывают. Во всех приличных офисах так клеят, с пупырями. Клеят и красят, клеят и красят.

Но вообще, надо признаться, строители стали просто сказочные. Раньше-то это был страшный сон, ужасно страшный. Строители имелись двух видов. Одни говорили только одно слово «гы», вредили всеми доступными способами, потом выманивали аванс и уходили в запой навсегда. Другие, наоборот, сразу давали понять, что у них несколько дипломов о высшем образовании, практически написана кандидатская и за мастерок они взялись только из соображений выживания. Если те на все говорили «Гы!», то эти на все говорили «Надо подумать». И только когда ваша ванная приобретала вид кабинета трудотерапии в желтом доме, до вас доходило, что именно означает это «Надо подумать». А означало это то, что так называемый мастер-ремонтник-высшего-класса-работа-под-ключ устанавливает какой-нибудь там полотенцесушитель впервые в жизни и понятия не имеет, куда его приставлять и к чему подключать.

А сейчас-то волшебно. Я со своим мастером пообщалась минуты три, так он спросил: «Я не понял, какой у вас здесь будет стиль?» «Эклектичный», – говорю, и уж было спохватилась, но он сразу: «Понятно.

Везде все разное». А моя соседка за прораба своих югославов вообще вышла замуж, живут счастливо. Он и выглядит как голливудский актер второго плана. Только жалуется, как у нас холодно в Москве, тем более из их стеклопакетов так чудовищно дует, что приходится дополнительно завешивать окна одеялами. Но это ничего, скоро они все переделают.

Общаться со строителями, которые не говорят ни «Гы!», ни «Надо подумать!», ужасно приятно. Особенно если у тебя ремонт за последние годы третий или четвертый и тебе уже многое открыто. Зачеканивание труб, выведение стен. Укрывистость водоэмульсионки. Простые уютные шутки: «Не половая доска, Катерина. Надо говорить – доска для пола». Так поощряют учеников, посвящают в профессию.

Неприятно только бывает, когда скажешь: «Никаких круглых арок не делаем, все проемы прямоугольные. Паркет кладем не елочкой, а в разбежку. Обои будут бумажные, цветные». А они: «Понятно, понятно. Прямоугольные, в разбежку, цветные. Сейчас все так делают». Сразу как-то чувствуешь себя униженно. Но что делать? Все вместе тараканимся в общеевропейский этот самый дом, все вместе.

Естественное предназначение

Антитеза: «естественное – искусственное». При этом «искусственное» эпитет негативный; искусственное всегда позорительно, опасно и как бы нечисто. Естественное же – суть природное, чистое и светлое, Божески предопределенное. Известная поговорка: что естественно, то не позорно... Проблема в том, что ни одна область умственных представлений не содержит столько путаницы и противоречий, как эта: что, собственно, является естественным, а что – вовсе нет.

Знаменитый «естественный образ жизни». Косить траву, много рожать, кормить грудью, жить в деревне, есть свои овощи с грядки, носить порты и рубахи из натуральных волокон. Существует, разумеется, масса вариаций на эту тему, а также масса мотиваций: от религиозных и возвышенно-альтруистических до совершенно эгоистических и даже вполне параноидальных. Общее одно: никто из поборников «естественности» не призывает, все же, пойти до конца. Частично отказаться от благ/зол современной цивилизации – да. Отказаться от цивилизованности совсем?.. Даже от каменного топора?..

Интересно, что в поисках примера «естественной жизни» обращаются чаще не к Руссо, а к «Робинзону Крузо». Хотя там пафос прямо противоположный: только добившись воз-

возможности соблюдать некое подобие цивилизованного ритуала (брать пищу не руками, а вилкой и ложкой), Робинзон чувствует себя как раз более или менее естественно. То есть – как человек, разумное создание Божие.

В системе ценностей Робинзона, который за время жизни на острове из бездумного грешника становится философом и христианином, между понятиями «естественность» и «цивилизованность» фактически стоит знак равенства.

Или вот. Я работала на радио и делала блиц-опросы на улицах: двадцать – тридцать человек отвечали на какой-нибудь один вопрос, иногда политически актуальный, а иногда – довольно странный. Однажды решила опросить только женщин: нравятся ли им, когда мужчины носят бороду и усы? Оказалось: почти все были против бород. При этом ни одна не призналась, что борода щекочется, или там царапается, или нехорошо, когда в ней застревает капуста из щей. Но раз пять прозвучало слово, которое поставило меня в настоящий тупик. «Борода, – заявляли они, – это неестественно». А одна еще добавила: «Неестественно и некультурно».

То есть, если не умничать, а рассуждать на бытовом уровне, естественно = привычно.

Но самые дивные логические финты происходят, когда в пылу пропаганды каких-то идей начинают ссылаться на социальное поведение самых вообще естественных существ. То есть – животных.

Между прочим, это происходит постоянно.

Я была, например, на одном «круглом столе», посвященном вопросам участия российских женщин в политике (скорее, как известно, неучастия), и там, как водится, оказался дядя, который примерно полчаса говорил о петухах и курах. В том смысле, что если курицы начнут сидеть на заборах и кричать, а петухи – пытаться высидывать яйца, то все пойдет кувырком, цыплята передохнут и курятник развалится.

Этот пример – с курятником – любимейший довод сторонников патриархата; они его приводят постоянно. Между тем пример удивительный. Поскольку он предполагает, что:

- социальное устройство курятника идеально само по себе;

- социальное устройство курятника является эталоном по отношению к человеческой семье и человеческому обществу;

- биологический вид «курица домашняя» должно являться для биологического вида «человек разумный» бесспорным образцом для подражания.

Согласиться с этими утверждениями, честно говоря, довольно трудно. И не потому, что высидывать цыплят якобы скучно, а орать на заборе увлекательно. А потому, что «кура домашняя» (как, впрочем, и домашний петух) – случай какой-то уж очень незавидный. Ни мозгов, ни крыльев. Отвратительное сексуальное рабство в этом самом курятнике. А на птицеферме? И вовсе макабр.

А если копнуть чуть глубже, выясняются и вовсе уди-

вительные вещи. Предками наших домашних кур были дикие курицы, которых называют навозными – они устраивают кладки яиц в теплом перегное. Это очень разумно: получается такой природный инкубатор. Но только надо следить, чтобы температура была ровной, чтобы яйца невзначай не сварились бы, но и не замерзли. Поэтому их надо то закапывать поглубже, то, наоборот, давать слегка проветриться... Всей этой кропотливой работой занимается самец, петух. Самочка навещает его нечасто. Живет какой-то своей жизнью: гуляет с подружками, тусуется, пьет коктейли. В роли интеллектуала я, конечно, против всяких неаккуратных и спекулятивных аналогий с миром животных, но иногда эти аналогии бывают довольно приятными.

Ёлка

«У вас будет настоящая или искусственная?» – весь декабрь этот вопрос приходится слышать по десять раз в день. «А вы уже нарядили?» «А встречать дома будете?» «А 31-го работаете?»

Ёлка – главный ньюсмейкер среди деревьев. Как декабрь, так скудеющие выпуски новостей норовят оживить с помощью еловых сюжетов. Где самая высокая. (Раньше было всегда понятно где – на Красной площади. Увенчанный пятиконечной звездой идеально симметричный зеленый конус так чудесно рифмовался со Спасской башней, что Кремлевская Ёлка воспринималась как полновесный и неременный атрибут советской государственности. И не могло быть ни малейших сомнений, что именно символизирует эта звезда на ёлке – конечно же, солидарность пролетариев пяти континентов!) Дальше: сколько ёлок вырастили, сколько привезли на продажу, сколько нарядили. В прошлом году вот стало известно, что в Москве ёлочных базаров в два раза меньше обычного, и сразу стали говорить: это мэр Лужков лоббирует интересы жены своей Батуриной, пластмассовой королевы. Будет меньше живых ёлок – больше продается искусственных. И огромные ели, которые красуются на площадях и главных улицах, тоже теперь искусственные, а не привезенные ритуально из Сибири, как это делали раньше. Хотя

не думаю, что это спасет сибирские леса.

Вообще ель – не самое ценное дерево. Еловые леса мрачные, темные. Растут елки быстро и часто, как крапива, и, если за этим не следить, норвят вытеснить другие деревья. Красивыми бывают только ёлочки, которым повезло вырасти на просторе, остальные выглядят как ободранные мочалки. Еловые иголки слишком мелкие и твердые, шишки тоже не особо хороши, и смола слишком липкая. Зато необыкновенно звонкое имя. «Ель» – это очень красиво, и «ёлка» тоже. Я знаю по меньшей мере трех Елен, которые предпочитают, чтобы их называли Ёлками, Ёлочками. И еще есть Женя Войцеховская, которая в детстве на вопрос «Как тебя зовут?» всегда отвечала: «Леночка Зайчикова», а если возникли сомнения, поправлялась: «Ладно, по правде Катя Ёлкина».

Дедушкой Ёлкиным звали первого президента России. В этом было много снисходительности, но и очень много теплоты. Ёлка, дедушка. Зайчик. Говорю же: у ёлки малоценная древесина, но необыкновенно богатая мифология. Причем мифология чисто русская. Ёлки много где растут, но только по-русски они называются ёлками. А тут в одной первой букве сказано больше, чем во всех плачах по белой березе, вместе взятых. К тому же миф белой березы – это искусственный, поэтический миф, причем сравнительно недавний. Уважали дуб, стройную сосну, плакучую иву, всякие романтические кипарисы. До конца девятнадцатого века о бе-

резах никто не думал, их даже официально не считали белыми. У Рылеева стволы берез сумрачно чернеют, а у Мережковского даже «чернеют как уголь». Поклонение Белой Берёзе идет главным образом от Есенина. А миф Прекрасной Ели – он детский, совсем наивный и популярный, из отрывных календарей. В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла. Плутишка зайчик серенький под ёлочкой скакал, принесли его домой – оказался он живой; срубили нашу ёлочку, зеленую подружку, под самый корешок, а она нарядная на праздник к нам пришла и много-много радости детишкам принесла... Так вот, все-таки: искусственную или живую? Вопрос на самом деле принципиальный, стилеобразующий, почти идеологический.

Аккуратное дерево, украшенное одинаковыми китайскими шарами или бантиками, с претензией на элегантность, – или кривобокая леспромхозовская красавица, убранная несвежими снегурками, облупленными пингвинами и стеклянными фигуристками из бабушкиной коробки. Два мира, две системы. Причем недостатки есть у обоих вариантов.

Под тяжестью елочной морально-этической дилеммы многие гнутся, но не ломаются. Покупают у бабушек сосновые ветки, прилаженные к дощечкам на манер куста, – и хвоей пахнет, и не жалко. Хоть и не живое, но как бы одухотворенное. Я лично в прошлом году наряжала живую араукарию – это было великолепно. Пока я не выставила ее подышать на балкон – несчастная на морозе скончалась.

Искусственная хвоя – ну, с этим понятно. Это все равно что электрический самовар (чтобы не употреблять более жестких сравнений). Химия, суррогат, дурновкусие. Но и с настоящей не всё хорошо: мусору, знаете ли, очень много, суеты, иголки повсюду. А главное – неприятно смотреть, как она постепенно сохнет и умирает, бедная жертва веселого праздничка. И на помойку нести неохота, и что делать с ней – непонятно.

Рис. 19 Ёлка и ёж

Жаворонок

Время, как известно, приятно убивать. Часто его приходится тянуть, но не советуется торопить. Время плохо эталонизируется: это серьезная научная проблема. Время – вечный соблазн фантастов. Время – деньги, и оно лечит.

Лучший способ обмануть время – путешествия. Летнее время ощутимо замедленней зимнего, потому что дни гораздо насыщенней. И все равно: лето пролетает и зима тянется бесконечно...

Время – категория абсолютно относительная. Мышь живет три года, черепаха – триста, и то, что для одной – вечность, для другой – сущее мгновенье.

Женское время медленней мужского. Самое медленное – детское время. Пять минут – приличный срок. Два часа – огромный срок. У детей нет этого вялотекущего обдумывания прошлого, и поэтому они часто скучают...

Сложно контактировать бывает людям, чьи индивидуальные ритмы не совпадают. Особенно явно это проявляется в момент, который можно назвать так: первая утренняя встреча жаворонка и совы. Это все равно как в воду налить масло. Или в манную кашу – ртуть, и поджечь.

Вот – сова. Я, например. Я уже встала, но еще не проснулась. В тумане еле брезжит пара слабеньких мыслишек. «Если я выпью чаю, то, возможно, приду в себя». «Не надо было

ложиться так поздно. Завтра постараюсь лечь в нормальное время. Не позже двух.»

И вот – жаворонок. Например, мой муж. Он проснулся так давно, передумал уже такое количество мыслей, что уже успел даже устать. Он не может обсуждать их со мной, потому что, во-первых, сам нашел ответы на все вопросы, а во-вторых, понимает, что я еще пару часов буду практически невменяема.

Или еще пуще – моя свекровь. Она вообще жаворонок из жаворонков: ложится с курами, встает с петухами. В гармонии с природой. Она уже сварила кашу на два дня и еду собаке дня на четыре, пересыпала соль из пакета в стеклянную банку, нарезала винегрет, провела ревизию двух морозилок, погладила полотенца, прокипятила тряпки и перелила масло из магазинной бутылки в свою, пониже, которая уместится в кухонную полку.

Я все это знаю, потому что все свои планы она записывает на бумажку, которую оставляет на кухонном столе. Рядом лежат газеты, которые она собирается читать в ближайшее время. И кроссворды, которые собирается решать. Да, еще она наверняка сделала зарядку, она ее каждый день делает (я – еще ни разу в жизни).

На мое полуживое *добрэутрантонинвасильна* она говорит не дежурное *доброе утро*, а нечто очень внушительное: – Да, – энергично кивает она, – Я скажу тебе. Я решила брать мак!

– Мак, – говорю я, пытаюсь взглядом заставить чайник закипеть быстрее. – Мак, угу.

Призрак мягкой, обсыпанной зернышками булочки соблазнителен, но действует опасно расслабляюще. Есть вероятность не дожидаться чая и уснуть прямо стоя, как лошадь. Полезнее думать о кофеине. Стратегически: «Заварить чай, очень крепкий. Выпить. Сварить кофе. Попробовать прийти в себя».

Но Антонина Васильевна хочет слышать мое мнение о маке. Что я знаю о нем?

Я начинаю смутно понимать, что она сейчас прочитала какую-то заметку из серии «Сад и огород» или «Хозяйке на заметку» и хочет поделиться со мной информацией. Лично я наслышана об усыпляющем действии мака. И еще один мальчик из Ташкента рассказывал, что у них опиумный мак растет прямо на городских газонах. Но я этого, конечно, не говорю: слишком длинная, неподъемная фраза. И потом, как я догадываюсь, Антонина Васильевна не очень интересуется опиумом и вряд ли стала бы его закупать. Поэтому, чтобы подыграть ей, я просто говорю, что мак – это хорошо.

– Да! – с огромным энтузиазмом поддерживает она. – И он недорого стоит. Помогает и от давления, и от радикулита, и даже когда горло болит...

Дальше следует довольно длинный, совершенно типичный разговор слепого с глухим, в ходе которого наконец выясняется, что волшебными лечебными свойствами обладает

не мак, а МАК – то ли магниевый автокорректор, то ли магнитный аутентичный коррелятор, в общем, домашний медицинский приборец, который убедительно рекламировался в газете. Заметка тут же пересказывается: в лицах, с диалогами, с выразительными подробностями, которые она сама же наверняка и придумала. Этой женщине надо было работать копирайтером, жаль время ушло.

– Знаешь что? Я скажу тебе. Ты тоже должна взять МАК.

– Давайте я его вам куплю. Только скажите где.

– Нет, ты должна взять себе. Смотри! Я скажу тебе. Он и от головы помогает. И от простатита.

– Антонина Васильевна! – я даже слегка проясняюсь. – У меня нет простатита.

– Сашке возьми.

– У него нет простатита.

– Ну, будет!

Она вообще-то добрейший человек. Просто ее личное время до полудня так галопирует.

Рис. 2 ° Созревшие высушенные коробочки мака можно использовать в качестве детской погремушки

Женственность

В Москве есть такая улица – Восьмого Марта. На ней находится психбольница, так и именуемая в народе – «Восьмое Марта». То есть: «Ты от армии где косил?» – «В «Восьмом Марта». Моего знакомого Г. выгнали из «Восьмого Марта» за сверхкомпетентность: доктор предложил ему поупражняться с тестом Люшера, а тот возмутился, что половины карточек в тесте не хватает. В общем, «Восьмое Марта» – место известное, и репутация у него так себе, да и вообще местность там довольно тухлая, депрессивная. Но вот что самое замечательное: помимо улицы Восьмого Марта, имеется еще 1-я улица Восьмого Марта! Они идут перпендикулярно. И другой мой знакомый, а именно Вячеслав Курицын, однажды жил в доме именно на пересечении этих двух улиц, адрес шел дробью. Представляете, адрес: угол улицы Восьмого Марта и 1-й улицы Восьмого Марта, напротив психбольницы. Прелесь, прелес-с-сть.

Что-то есть в этом праздничке неправильное: депрессивное, шизофреническое, лживое. Вот сколько сразу возникло неприятных слов. Тут сразу все, конечно, подумают: ее никто не поздравляет, роз- мимоз не дарит, она завидует. То есть опять неприятность. Но я докажу, докажу. Буду обличать, жалко пища тараканьим голосом обиженной девы. Я недолюбливаю Восьмое марта и за прожитые годы смог-

ла сформулировать доказательства, почему этот праздник неискренний.

Во-первых... Ну, тут многое могло бы быть во-первых. Хотя бы то, что его называют первым весенним праздником. Весенним. Это где же 8 марта весна? В Париже – может быть, да. Там, говорят, цветут каштаны, и парочки нежатся на скамейках, семейства усаживаются обедать в саду. В Швейцарии, может быть, весна, в Пицунде, в Туапсе. Но у нас, на Первой улице Восьмого Марта, снегу по пояс, грязи по колено, и те камикадзе на шпильках, но без автомобиля, которые вопреки всему представляют себя красавицами и царевнами, серьезно рискуют сломать на льду не только ноги, но и шеи, и вообще все на свете.

Во-вторых, считается, что в этот день мужчины поздравляют своих любимых женщин. Это бред. Никаким нормальным мужчинам никогда не приходило в голову поздравлять меня с Восьмым марта, и слава богу. В то же время я сама ежегодно поздравляю десятки женщин: воспитательниц, уборщиц, бухгалтерш, медсестер... Иногда это знак уважения и признательности, иногда завуалированная форма взятки или того явления, которому соответствует многозначительное слово «отблагодарить». Так что в этот светлый день я всегда с цветами и подарками – бегаю и разношу, разношу и бегаю. Приятно, на самом деле.

Рис. 21 Цифра 8 похожа на снежную бабу. Она выглядит женственно, но неприятно

Но в остальном – двусмысленный получается праздник, пошленький. Восьмерка эта, в заглавии, выглядит как-то неприятно, дамисто. Как будто у нее бюст, бедра. И, что самое противное, талия. И с каждого экрана, буквально из всех дыр лезет: «милые дамы», «милые дамы». А я не хочу быть милой дамой, не умею и не хочу. Я ужасно грубая. Более того, мне очень нравится быть грубой. И еще иногда – свирепой. Быть грубой и свирепой ужасно весело. И еще – неженственной! Быть все время женственной – это самая скучная история на свете. Скучно, тяжело, хлопотно. Хотя бы вот почему: женственным женщинам («милым дамам») обязательно нужно, чтобы их как следует поздравляли с 8 Марта! И от этого они идут в воспитательницы, уборщицы, медсестры, в многодетные матери, в домохозяйки... В общем, на самую тяжелую, низкооплачиваемую, адскую рабо-

ту. И получают свое – День солидарности трудящихся женщин, за что и боролись. А кто боролся – я лично нет. Все: буду грубой! Даже еще грубее.

Жировки

– см. ПОДАРКИ

Зимняя сказка

Самый яркий месяц – декабрь. Много веселья, много денег, много снега, пик продаж, рекламный бум, магазинный ажиотаж.

Настроение такое – взвинченно-тревожное. Самое неприятное – неизбежность Вселенского Новогоднего Отчета: как успехи? Как прожил год? А на личном фронте? Что, до сих пор не замужем? Друг, говоришь? Ну, и где твой друг? Встречает с семьей, с детьми? Понятно, очень плохо, садись, три. Большинство взрослых Нового года на самом деле боится. Поэтому и столько желающих работать на Новый год. Поскольку Рождество давно уже превратилось во всемирный коммерческий проект, лучшее, что можно сделать с новогодними праздниками, – это на них зарабатывать. В Рождественском заговоре очень выгодно оказаться по ту сторону баррикад, экрана, стойки, прилавка, экрана... Написать, например, гениальный Рождественский Сценарий и продать в Голливуд за миллион – разве не здорово? Многие этим соблазняются.

Самую/действительно прекрасную сказку про Рождество написала Туве Янссен. Прекрасную уже тем, что в ней нет ничего специфически новогодне-дедморозовского. Сказка, в убогоньком пересказе, такая. В Мумми-доме никогда не праздновали Рождества – по той простой причине, что на

зиму вся семья впадала в долгую спячку: набивали животы сосновыми иголками и спали себе до весны. Но однажды вышло так, что зловредная крошка Мю нечаянно проснулась и перебудила всех остальных. Обитатели Мумми-дома и так чувствовали себя не в своей тарелке из-за несвоевременного бодрствования, а тут еще кто-то из неспящей окрестной мелюзги принес известие: «Скоро придет Рождество!» И вот вся семья собирается в стильной зимней гостинной и мучительно думает: как бы им отпугнуть это Рождество? Или лучше – как его задобрить? Может, дать ему побольше еды, чтобы оно насытилось и не стало есть их самих? И вот они лезут в кладовые, готовят еду, расставляют тарелочки. А может, развесить по дому всякие блестящие и звенящие штучки?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.